Срок для адвоката

Автор:
Михаил Кербель

Срок для адвоката

Михаил Петрович Кербель

Городская проза

Отличное знание жизни – всегда преимущество для писателя, а Михаил Кербель знает то, о чем пишет, не понаслышке. Его остросюжетный роман посвящен событиям 70-х годов прошлого столетия, произошедшим на юге многонациональной Украины, где погромы и конфликты между цыганами, русскими и украинцами, а также беспредел местной власти приобрели неслыханные масштабы. В эпицентр этих событий попадает романтичный и талантливый молодой адвокат Марк из провинциального городка. Столкновение с жестокой обвинительной системой и карьеристскими устремлениями высокопоставленных чиновников круто ломает судьбу молодого человека. Опасность, предательство, любовь и борьба за выживание – все составляющие подлинной драмы держат внимание читателя от первой и до последней страницы.

Михаил Кербель

Срок для адвоката

Сердечно благодарю Михаила Унке, Анатолия Петровецкого, Григория Мармура, Анжелику Любченко и Сергея Бурханова за помощь в создании этой книги!

Основано на реальных событиях

Часть 1

Капкан

Джунгли

В тихом Херсоне

– Убива-ают! – отчаянный крик запыхавшегося цыганёнка пронзил знойную густую тишину старой цыганской мазанки, в которой Мария Михайчак только что прилегла вздремнуть после обеда.

– Скорее!.. Вашего Борю!.. У пивной бочки!.. На площади… – надрывался пацан.

Этим криком, будто ураганом, Марию вынесло из дома и понесло по улице. Её младшая ладная, гибкая дочь Надья, подметая улицу длинной цветастой юбкой, не отставала от матери. Вторая, старшая дочь Люба, беременная, с огромным животом, семенила за ними.

Подбежав к пивной бочке, они увидели троих парней с испитыми лицами, остервенело избивавших ногами Борю, двадцатидвухлетнего сына Марии. Стараясь кое-как прикрыть израненными руками окровавленную голову, катаясь по земле, он безуспешно пытался уворачиваться от ударов.

Недолго думая, Мария схватила валявшийся на дороге детский велосипед и с рёвом медведицы, спасающей своё дитя, бросилась на озверевшую троицу, нанося удары направо и налево. Ярость матери отбросила нападавших от её сына, которого она сразу же стала пытаться поднимать, чтобы увести домой.

Мария не заметила, как один из подонков – рыжий, приземистый и широкоплечий – с расквашенным ею носом, – держа небольшой нож в левой руке, подходил сзади, чтобы ударить её в спину.

Но зато его хорошо заметила шестнадцатилетняя Надья.

Вмиг, как дикая кошка, она прыгнула сбоку, повисла на уже занесённой для удара руке рыжего и изо всех сил впилась в неё зубами. А когда тот с коротким криком выпустил нож, она нагнулась, подхватила его с земли и в исступлении с размаху…

Удар – клинок, как в масло, вошел в разжиревшую от алкоголя печень гопника. Еще удар – в сердце.

Парень рухнул и остался лежать с ножом, торчавшим из его груди.

Смерть. Страшная и мгновенная. На миг все участники и свидетели драки застыли в оцепенении. А ещё через минуту их всех как ветром сдуло. Площадь опустела.

Но ненадолго. Уже через полчаса она заполнилась жителями посёлка. Тут же притащили откуда-то взятый ещё не обитый материей гроб, в который положили тело убитого. И с этим гробом на руках толпа потекла к центру города, по пути всасывая в себя от всех пивных бочек и распивочных точек десятки и десятки таких же выпивох, даже толком не понимающих, что происходит.

– Смотрите, люди, что делают с нами цыгане!

– Цыгане режут нас, люди добрые!

– Нас убивают среди бела дня!

Неуправляемая, ревущая в несколько сот глоток орда, по пути разбивая ларьки и переворачивая одиноко стоявшие машины, заполнила площадь перед обкомом партии.

Испуганная власть даже не пыталась разобраться. Она тут же объявила народу, что все без исключения цыгане будут сурово наказаны, а расследование начнётся немедленно и будет взято под контроль лично прокурором области.

Это подействовало как на быка – красная тряпка, как сигнал к атаке. Бросив гроб на землю, бунтующая орава ринулась назад, расправляться с цыганами. Но те уже успели исчезнуть. Тогда стали грабить и жечь цыганский посёлок, вымещая злобу на оставшихся беззащитными собаках и кошках.

ТРЕМЯ ЧАСАМИ РАНЬШЕ…

На площади, опустевшей после убийства, Люба, Мария и кое-как поднявшийся на ноги Борис всё ещё никак не могли прийти в себя.

Они со страхом смотрели то на труп, то на Надью, которая, опустившись на землю, обхватила голову руками и тихонько – даже не плакала – выла, не отрывая взгляда от мёртвого тела.

Первой опомнилась Мария – полная, с покрытым глубокими морщинами и слишком тёмным даже для цыганки лицом. В свои пятьдесят пять она выглядела лет на десять старше.

Чувствуя уже привычную боль в левой стороне груди («Опять сердце…»), она, закусив губу, рывком подняла Надью на ноги и, скомандовав голосом, привыкшим к повиновению: «Домой, все домой! Боря, а ты… идти сможешь? – Тот кивнул. – Тогда мухой за дядей Ромой, пусть едет к нам. Да поживей!» – первая посеменила по направлению к дому.

Добравшись до своей мазанки, она первым делом крикнула Любе:

– Корвалолу мне… накапай! – Но, не дожидаясь её и отодвинув вместе с Надьей сундук в сенях, вынула четыре небольших доски пола и по лесенке, кряхтя, спустилась в холодный подвал.

Там скучали несколько мешков картошки с проросшими клубнями. Она развязала один, стоявший в ряду последним, толкнула и опрокинула его на земляной пол.

Картошка разбежалась по полу, и показался плоский увесистый свёрток в голубой клеёнке. Мария подхватила его, выбралась наверх и быстро сунула его Любе.

– Что смотришь? Под юбки прячь. Под живот… Да поглубже. К тебе не полезут. Хотя… Всем уезжать надо. Ты, Люба, с детьми – первая… Своих и Борькиных возьми… ничего, влезете. Надью тоже. И давай в Николаев. К дяде Баро. А второй ходкой Рома нас с Борей и манатками отвезёт. Да смотри… всё, что мы собрали… у тебя теперь. Если с нами что не так… знаешь, что делать. Собирайтесь.

Кое-как превозмогая боль, которая, как ему казалось, сидела в каждой клетке тела, Боря доплёлся до дома дяди Ромы, но, не увидев во дворе старого голубого «Москвича», со стоном опустился на лавочку.

«Надо ждать, – подумал Борис, сознавая, что сейчас он один – надежда и спасение семьи, – из города нужно рвать когти как можно скорее».

Наконец долгожданный «Москвич» возник на горизонте. Борис поковылял к нему, опустился на заднее сиденье, быстро рассказал о происшедшем, и они помчались по направлению к дому Марии.

Примчались… Поздно…

После убийства на площади не прошло и десяти минут, как Лёшка, по прозвищу Молдаван, один из троицы, избивавшей Борю, а по совместительству сексот участкового инспектора, добежав до двери его квартиры, громко забарабанил в неё, зная, что звонок не работает.

Разомлевший от жары и выпитой за поздним обедом водочки, участковый Тетеря, огромного роста и неподъёмного веса краснощёкий лысый мужчина лет пятидесяти, в новых синих трениках и неопределённого цвета майке, открыл входную дверь, обитую коричневой кожей, протёртой в нескольких местах.

– Ты что, чёрт нерусский, охренел? Ты б ещё башкой своей дубовой постучал!

– Гражданин начальник, беда! Цыганы Борька, Надька и старая Мария нас побили! А Надька… Федьку Рыжего… замочила! – еле справляясь со сбившимся от бега дыханием, застрочил Молдаван. – Насмерть убила! Хватать их надо! Сбежит цыганва!

Хмель мгновенно вылетел из круглой башки участкового.

«Убийство на моём участке… Конец квартала… Квартальная премия…» – первое, что промелькнуло в его голове.

– Ладно. Понял. Чеши! – коротко кинул он Лёшке. Тетеря закрыл дверь, подошёл к телефону и позвонил начальнику РОВД домой.

Через две минуты милицейский уазик с рёвом вылетел из гаража райотдела и, поднимая тучи пыли на никогда не знавших асфальта улицах посёлка, помчался к дому Марии Михайчак.

Любе просто повезло. В тот момент, когда машина, въехавшая к ним во двор, резко затормозила и из неё выскочили три милиционера с пистолетами в руках, она как раз забежала по нужде в покосившийся деревянный туалет, притулившийся в конце двора за сараем.

Она слышала крик матери и, рванувшись из-за сарая, увидела, как Надью и Марию повели к машине под конвоем. Уже садясь в уазик, мать оглянулась и, на миг встретившись глазами с Любой, кивнула: «Ничего, дочь… Я на тебя надеюсь…»

Цыганская жизнь – не сахар. И Люба, в свои двадцать два пережившая смерть двух своих мужей, умела собраться в нужный момент. Она не запаниковала, не упала в обморок. Вернувшись в хату и успокоив пятерых плачущих детей, деловито стала собирать вещи, необходимые для переезда.

Вскоре подъехали Боря и дядя Рома. Узнав о том, что мать и Надью увезли, Борис тут же засобирался уходить.

– Ты куда? Мать сказала, чтоб мы все уезжали.

– Я её не оставлю. Ну Надья понятно. А мать? Её-то за что схватили? Ты же знаешь, у неё сердце. Я им всё расскажу. Всё как было. И её отпустят.

– Её и так отпустят. Надье не поможешь. А мать отпустят. И если она сказала нам ехать, значит, надо ехать, – настаивала Люба.

И тут, к удивлению Любы, её невысокий, полноватый, всегда добродушный брат голосом, не допускающим возражений, отчеканил:

– Молчи, женщина! Я – мужчина. Я решаю, что надо делать, а чего не делать. А ты забирай всех детей, и ехайте в Николаев. Заберу мать – мы к вам будем.

Люба не успела даже открыть рот, как Боря исчез из хаты, как будто его и не было.

Люба

Солнечным майским днём в юрконсультацию к Марку Рубину как снег на голову свалился Юра Пригоров, чемпион по пивным баталиям в студенческом общежитии, где они когда-то жили вместе.

Теперь Юра был одним из лучших следователей в Николаеве – городе, где Марк уже три года работал адвокатом.

Они давно не пересекались, и Марк, радуясь встрече, предложил пообедать в небольшом кафе.

– Марк, а ты знаешь, какие байки мне про тебя долетели?

– От кого?

– От ребят из УВД по твоему району.

– И какие же? Лают, небось?

– Да не, наоборот. Говорят, что ты адвокат, который прёт напролом, не боится ни бога, ни чёрта! Или преувеличивают? – с хитринкой в глазах улыбнулся Юра.

– В каком смысле? Бога, вообще-то, почитать принято, – улыбнулся и Марк.

– Конечно, конечно. Я просто хотел сказать, что ты берёшься за дела, от которых другие отказываются. И даже от телекамер не отворачиваешься!

– Это да. На журналистов и телевизионщиков внимания не обращаю.

– И что, от гиблых дел никогда не отказывался?

– Да брось ты, Юра. Мало что болтают. Бывало, и отказывался.

– Так, значит, всё-таки бывало?

Марк кивнул.

– Ну например? – не отставал Юра.

– Как-то раз ко мне обратилась клиентка с просьбой защищать её брата. Мужик, уже отсидевший восемь лет за изнасилование малолетней, выйдя, женившись и имея троих детей, снова напал на двенадцатилетнюю девочку, ловившую рыбу на канале. Представляешь, сволочь?! Но она так сопротивлялась, что её шортики он смог стянуть только до колен. А потом, бросив на землю, забил её ногами до смерти и, чтобы скрыть убийство, швырнул тело в канал. Сначала признался, рассказал подробно, а потом стал всё отрицать. Ко мне пришла его сестра. Коллеги её как увидели, дёрнули меня в сторону и шепчут: «Марк, ну тебе везёт! С тебя поляна! Это ж богатейшая тётка в городе!»

– Посмотрел я постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, и так противно стало… Отказал ей, короче. Так она пристала как банный лист. Предлагала золотые горы. Я ни в какую. А моя коллега, пока я на обед ходил, обработала её по полной. Убедила, что поможет брату, и взялась вести это дело.

Представляешь, дура! Я случайно оказался в областном суде на вынесении приговора. Как и предполагал – смертная казнь. А если человек заслуживает защиту, то мнение других мне неважно, – закончил Марк.

Юра довольно улыбнулся:

– Тогда нормалёк. Есть дело прямо для тебя. Я уверен, что Мария, пожилая цыганка из Херсона, мать-героиня, которую обвиняют по двести шестой, части второй, твоей защиты заслуживает.

– А что, в Херсоне адвокатскую коллегию закрыли? Зачем ей николаевский адвокат понадобился?

– Понимаешь, в Херсоне это дело имело слишком большой резонанс. Там бунт был. Местные адвокаты отказались. Несколько цыганских семей сбежали в Николаев. На меня вышла Люба, дочь Марии, а я подумал о тебе. Встреться с ней, поговори.

И хоть Марк не обольщался насчёт образа жизни цыган: гадают, подворовывают, вытягивают на улицах и вокзалах из людей деньги обманом, хотя многие уже вели оседлый образ жизни, работая кузнецами, на заводах и особенно много в колхозах, но когда дело касалось отдельных людей, попавших в мясорубку следствия, ни национальность, ни род занятий для него не были важны.

Человек в беде, и его нужно выручать.

– Мать-героиня и особо злостное хулиганство? Как-то не вяжется… Не звучит… Ну хорошо. Пусть приезжают завтра в консультацию к одиннадцати часам.

– Спасибо, Марик. С меня бутылка. Будет нужна помощь, звони.

На следующий день точно к назначенному времени в здание юрконсультации, где работал Марк, вошла беременная женщина, на вид лет двадцати пяти, с большими карими глазами на довольно красивом смуглом лице, в яркой многоцветной и просторной цыганской одежде, не скрывавшей её огромный живот, золотых серьгах и таких же золотых браслетах на обеих руках.

Она вела за руку двух девочек-двойняшек, примерно лет пяти.

– Здравствуйте! Вы Рубин? – спросила она.

– Проходите, присаживайтесь, – показал Марк жестом на стул.

– Меня Люба зовут, – присев, представилась цыганка.

– Очень приятно, Люба. Слушаю вас внимательно.

– А как рассказывать, коротко или подробно? А то рассказывать мне долго, если подробно, – печально улыбнулась она.

– У меня время есть. Чем подробнее, тем лучше. Главное, правдиво.

Её рассказ потряс.

Эмоционально, ярко и образно Люба нарисовала жуткую и беспросветную картину жизни цыганского племени в одном из посёлков Херсона на протяжении многих лет. Признаться, Марк даже не подозревал, чтобы в советское время такое было возможно.

На окраине города Херсона, что в полутора часах езды от Николаева, расположились несколько посёлков, которые называли «самозахват» или «самозастрой».

В этих посёлках хозяева кое-как слепили дома, домики или их подобие из самана, ракушечника, глины или фанеры. Кто-то со временем узаконил строение, а кто-то – нет.

Один из таких полулегальных посёлков был разделён надвое улицей. По одну сторону улицы жили цыганские семьи, по другую – полукриминальный сброд, которого в том посёлке было большинство.

Весь город знал – они постоянно враждовали друг с другом. Эта вражда сопровождалась кровавыми драками. Иногда насмерть. И жертвами почему-то в большинстве случаев были цыгане. Ни правды, ни управы на распоясавшихся

подонков найти было невозможно.

У Любы убили первого мужа, от которого у неё двое детей, а потом и второго, от которого она беременна сейчас.

Все жалобы в милицию оказывались у участкового, которого регулярно «подкармливала» и с которым постоянно выпивала шпана. Ни просьбы, ни слёзы не помогали. Виновные оставались безнаказанными. И такие случаи были не в одной семье.

Цыгане всерьёз подумывали о переселении в другое место, а некоторые, в том числе и семья Любы, даже поставили дома на продажу. И даже цыганский барон ничего не смог сделать, только разводил руками.

Несколько дней назад Люба чуть не умерла от страха после того, как её мать Мария спасла своего сына Борю от пьяных разбушевавшихся соседей, а её сестра Надья, предотвращая убийство матери, вонзила нож в сердце нападавшему.

– Закрыли сестру Надью. Статья – убийство. Арестовали маму Марию. Статья – особо злостное хулиганство. И даже брата Борю посадили – злостное хулиганство. Нападавшая на него пьянь «сделана» потерпевшими… – со слезами на глазах закончила Люба.

«Правосудие во всём своём блеске! Таким оно было. Такое и есть. Будет ли иным? Вряд ли…» – пронеслось в голове Марка.

Слух о случившемся в Херсоне мгновенно перелетел границы страны и достиг «вражеских» голосов.

И вот уже самый вражеский из них – «Голос Америки» – на все лады склоняет и спрягает «славную» советскую действительность, добавив немало седых волос руководителям Херсонской области, не говоря уже о тех наказаниях, которые посыпались на них из Киева и даже из Москвы (доложено самому Андропову!). Не за сам факт убийства, а за то, что допустили волнения в городе!

Больше всего Люба переживала за мать. Она и так часто болела. Перенесла инфаркт. А в тюрьме здоровье уж точно не поправишь.

Марк заключил с Любой договор на защиту Марии, но это ещё не всё.

То, что здесь передано вкратце, Люба рассказывала на протяжении двух часов, приводя многочисленные примеры физических и моральных обид цыганам на этой забытой богом окраине Херсона, где закон начинался и заканчивался на участковом милиционере, щедро подкармливаемом и делившемся со своим начальником РОВД.

Многочисленные попытки изменить положение жалобами в районную и областную прокуратуру успеха не имели. Жалобы возвращались начальнику милиции и участковому. Реакция была соответствующей. Цыганам доставалось ещё больше.

Слушая Любу, Марк не раз вздрагивал, как будто сам переживал все те ужасы, которые выпали на долю её семьи и соплеменников.

Будучи под сильным впечатлением от её рассказа, он понял, что не сможет оставаться спокойным, не сможет ждать долгих месяцев следствия, суда, обжалования приговора. Марк решил действовать немедленно.

Поэтому он тут же засел за написание пространной жалобы в Центральный комитет Коммунистической партии Украины на имя Первого секретаря ЦК КПУ.

Каждый тезис этой жалобы Марк подкреплял реальными фактами беззакония, творящегося в Херсоне, сообщёнными Любой. Писал, ещё будучи во власти эмоций, и когда прочитал написанное своим коллегам, те одобрительно закивали головами:

– Молоток, Марк!

– Хорошо сделано!

– Отправляй! Удачи!

На следующий день Люба привезла свидетельства о смерти двух её мужей и целую кучу прокурорских и милицейских отписок, а также справки о болезнях её матери Марии, копии которых Марк приложил к своей теперь уже документально мотивированной жалобе, которую Люба решила сама отвезти в Киев, в ЦК КПУ.

Если бы он только мог представить, к каким последствиям это приведёт!

Неожиданная встреча

Через некоторое время Марк решил съездить в Херсонскую областную прокуратуру, чтобы отвезти ордер на защиту Марии.

В Херсоне Марк очутился впервые. Такой же зелёный, пыльный и жаркий южно-украинский город, но чуть поменьше Николаева.

Зайдя в прокуратуру, заглянул в кабинет, на двери которого висела табличка: «Начальник следственного отдела Вернoруб», и, увидев пожилого, небольшого роста мужчину за печатной машинкой, спросил:

– Добрый день! Я адвокат из Николаева. Скажите, пожалуйста, кто ведёт дело по цыганам?

Следователь поднял голову, оторвав взгляд от машинки:

– Владимир Мудко.

– Что? – чуть не подпрыгнул Марк. – А вы не знаете, он случайно не Харьковский юридический окончил?

– Случайно Харьковский, – улыбнулся следователь.

– А где его кабинет? – спросил Марк, чувствуя, как у него каждая клеточка выбивает туш и пляшет от радости.

– По коридору налево.

– Благодарю! – кивнул Марк и поспешил дальше по коридору.

Вот и кабинет с табличкой: «Следователь по особо важным делам Мудко В. Г.».

Марк смотрел на новенькую табличку, а видел картинки своего недавнего прошлого, видел себя – студента, пришедшего из армии, и своего институтского товарища – широкоплечего брюнета с уже лысеющей крупной головой и глубоко посаженными серыми глазами – Володю Мудко.

Вспоминал…

Они учились в соседних группах, на лекциях сидели рядом, и все четыре года учёбы Володя представлял Марка своим другом.

Хотя, вообще-то, парень он был немного странный, и однокурсники его не любили. Большую часть времени он проводил в библиотеке, упорно изучая трактаты индийских философов, притом что юридические науки давались ему не очень.

Но это бы ещё ладно, а вот то, что он потом пытался изображать из себя человека необыкновенного и разглагольствовать о своих «глубоких» познаниях индийской философии в студенческом общежитии (когда надо и не надо), ничего, кроме насмешек, у ребят не вызывало. Сначала безобидных, а потом всё обиднее и обиднее. И это вошло в привычку.

Марку стало жаль Володю, и он не раз защищал его, как бы взяв под свою опеку. Постепенно насмешки в адрес Мудко поутихли. И тот не упускал возможности выразить свою признательность, называя Марка своим «единственным и лучшим другом».

Эта признательность возросла во сто крат, когда однажды он сломал ногу и не мог ходить. И Марк, высунув язык, оббегал чуть ли не весь Харьков, пока не нашёл ему костыли.

Он в течение двух месяцев ежедневно носил Володе еду в комнату, пока тот не смог двигаться самостоятельно. И конечно, после этого словами его благодарности можно было оклеить все стены их института.

Мудко был родом из Харьковской области, и, потеряв с ним связь после распределения, Марк был уверен, что Володя работает в своём родном краю. Вот почему услышав, что он здесь, в Херсоне, да ещё и ведёт дело по цыганам, Марк так обрадовался. С другом ведь работать и приятнее, и легче.

Тяжёлый стук каблуков с подковками, разрубивший тишину коридора, оборвал воспоминания. Марк обернулся – вот он, Володька. Во всей своей красе! В модной оранжевой рубашке с короткими рукавами на чёрных кнопках и… с распростёртыми объятиями.

– Рубин, Марик! Вот это да!

Они крепко обнялись и долго хлопали друг друга по спинам. Наконец прошли в кабинет.

– Ну ты даёшь, Вовка! – радостно воскликнул Марк. – Три года живём бок о бок и не знаем об этом?! Не встречаемся семьями, не пьём водку, не ездим на рыбалку? Как же так, а? Я думал, ты в Харькове остался. А ты что, тоже не знал, что я в Николаеве?

– Марк, ты будто не знаешь, какая у нас загрузка. По пятнадцать дел в месяц. Я ребёнка своего почти не вижу. Да и не знал я, что ты тут, рядом. Тебя же в Западную Украину направляли, нет?

– Да. Но я на последнем курсе женился, жена из Николаева, поэтому перераспределили сюда. Ну а ты как? Говоришь, ребёнок. Сын? Дочка? Сколько лет?

– Дочка. Два годика.

– А у меня сыну – четыре. Живёшь в Херсоне?

– Нет. В Белозёрке. Час езды от Херсона.

– Так, ладно, и когда семьями встретимся? Хоть на твоей, хоть на моей территории?

– Запросто, Марик, встретимся, конечно. Вот чуть разгребусь с делами… – и вдруг без всякого перехода совсем другим тоном: – А ты по цыганскому делу приехал?

«Откуда узнал? – мелькнула мысль. – А, наверное, следователь сказал, у которого я о нём спрашивал».

– По цыганскому. Вот ордер на защиту Марии. Слушай, а что это тут у вас, в Херсоне, происходит? Женщина, мать-героиня, спасая сына, разгоняет шпану детским велосипедом, и за это вы её арестовываете и вешаете вторую часть статьи двести шестой?! Ну какое к чёрту особо злостное хулиганство? Как мог быть детский велосипед «предметом, специально приспособленным для нанесения телесных повреждений»? До семи лет лишения свободы! Что за бред, Вова? Здесь вообще двести шестой и не пахнет.

– Марк, ты многого не знаешь. Многого! Тут такая заваруха вокруг этого дела. Бунт же был! Народ обезумел от цыганского беспредела. Приказано с самого верха «топить» цыган по полной программе! К нам каждый день поступают десятки звонков от «трудящихся» города узнать, не спускаем ли мы дело на тормозах. Народ, Марик, крови хочет! Цыганской крови!

– Я понимаю. Но ведь ты же юрист. Ты-то, Вова, хоть сам понимаешь, что Мария сидеть не должна?

– Я понимаю, но этого мало. Дело на контроле в прокуратуре республики. Я о нём докладываю прокурору области каждый день. А ты понимаешь, каким будет суд?! Телевидение, пресса! Да они тебя живьём сожрут вместе с твоей Марией!

Ну, телевидения и прессы Марк как раз и не опасался. Ему уже не раз приходилось в ходе судебного процесса менять общественное мнение. Но тут случай особый.

Город пережил абсолютно новое для того времени явление – настоящий бунт горожан против цыган. Фактически поддержанный властями.

«А ведь он прав. После того как западные голоса смешали с грязью, а украинская власть уже получила разнос из Кремля, конечно же, и прокуратура, и суд будут под таким давлением, что шансов на победу у меня раз два и обчёлся, – с горечью подумал Марк, – и даже Верховный суд Украины мне не поможет. Он против воли Москвы уж точно не пойдёт».

– Послушай, Вова, но ты ж нормальный парень. Мы же с тобой четыре года были одна команда. Мария – старая больная женщина. И мы-то с тобой знаем, что она невиновна! Ну что, мы допустим, чтоб её посадили? Да ещё и на семь лет?

Мудко встал из-за стола, подошёл к двери кабинета, открыл её и выглянул в коридор. Затем плотно прикрыл дверь, придвинул свой стул поближе и полушёпотом произнёс:

– Слушай, старик, Люба, клиентка твоя, предлагала мне кое-что, – и он продемонстрировал характерный жест, потерев несколько раз большой и указательный пальцы правой руки друг о друга. – Ну, я, конечно, её послал. Сам понимаешь, как цыганам доверять можно. Да и вообще…

– Взятку? – таким же полушёпотом спросил Марк.

– Ну…

– Идиотка! Правильно, что погнал её. Нам ещё этого не хватало.

– И я так думаю, – кивнул Володя.

Они ещё немного поболтали, Марк оставил свой адвокатский ордер, и, договорившись созвониться и встретиться семьями, они по-дружески расстались.

Вторая встреча

Прошло дней десять, и в юридической консультации Марка снова появилась Люба Михайчак.

Она долго рассказывала, как ещё неделю назад в Киеве попала на приём к Соловьёву, второму секретарю ЦК КПУ, вручила ему жалобу и попросила помочь, хотя нисколько не надеется на эту помощь.

– Марк Захарович, я очень боюсь за маму. Боюсь за её здоровье. Она и дома-то болела часто. И она не выдержит… в тюрьме. Ну попробуйте хоть что-то сделать. Если надо деньги, вы только скажите. Мы соберём.

– Люба, ты мне эти разговоры брось. Во-первых, ни я, ни следователь на это не пойдём. А во-вторых, деньги тут бесполезны. После бунта в Херсоне дело на контроле у прокурора области. Ты понимаешь, что это такое?!

– Я не понимаю, но… неважно. Если ничего не делать, то мама до суда не дотянет и защищать вам будет некого. Пожалуйста, ну придумайте что-нибудь! – умоляюще сложив руки, Люба поедала Марка своими огромными тёмно-карими глазами.

Этот взгляд привораживал, втягивал в себя, и Марк невольно подумал о гипнозе, которым многие цыганки владели в совершенстве, успевая за пятиминутный разговор раздеть любого прохожего до нитки.

– Хорошо, Люба. Принеси мне оригиналы справок о болезни матери, копии которых мы прикладывали к жалобе в ЦК. Съезжу в Херсон ещё раз. Заявлю ходатайство об изменении ей меры пресечения на подписку о невыезде в связи с плохим состоянием здоровья. Враз просветлевшая Люба исчезла. А назавтра притащила Марку целый ворох справок из больниц и поликлиник, подтверждающих многочисленные болезни её матери.

Предварительно созвонившись с Володей, Марк через несколько дней снова встретился с ним в том же кабинете.

Первое, что он заметил, – это совершенно убитое настроение своего друга. Коротко пожав Марку руку, он молча указал на стул напротив. Марк присел.

– Ты чё такой кислый? С женой поругался? – будто не замечая сухости приёма, попытался шутить Марк. – Если да, то ты ж помнишь: «День поссорит – ночь помирит».

Володя молча смотрел мимо него в окно.

– Слушай, я со своей никогда не ругаюсь, – решив, что попал в тему, продолжал Марк, – потому что всё равно будет так, как я молчу…

– Марк, завязывай шуточки, – вдруг взорвался Мудко. – Я только что от прокурора области. Задолбал он меня твоими цыганами. Ни одна собака признаваться не хочет. Или молчат, или несут какую-то пургу. А шеф из меня жилы тянет да обратно в Белозёрку загнать обещает. Ты с чем приехал? Что случилось?

– Смотри: вот моё ходатайство об изменении меры пресечения. Вот справки, подтверждающие наличие у Марии кучи болезней. Вот справка домоуправления в Николаеве о том, что площадь дома её двоюродного брата позволяет Марии проживать с ним, и заявление этого брата с согласием на проживание сестры. У тебя есть все основания изменить ей арест на подписку о невыезде. Ну какой смысл гноить её в камере?

Мудко взглянул на Марка как на инопланетянина, только что свалившегося с неба.

– Марик, у тебя что, уши заложило?! Ты меня не слышал?! Тут уже два дня комиссия из ЦК КПУ работает. Прокурора области дрючат в хвост и в гриву! А он на мне отрывается, – он нервно вскочил и зашагал по кабинету. – Да ещё и эта клятая общественность… и пресса: «Вы там случайно цыган выпускать не собираетесь?» А тут ты… со своими ходатайствами. Я понимаю, у тебя в адвокатуре в твоём Николаеве всё тип-топ. Наши заботы – по барабану. Только ты врубись наконец, дело это не рядовое. И шея моя – в двух сантиметрах от верёвки намыленной. Шаг – и нет меня. Тебе от этого что, легче будет?

– Вова, ну что ты сразу? Конечно, я и не думал тебя подставлять! Не чужие. Но и ты хоть немного на мою сторону стань: Мария-то невиновна! И ты с этим сам прошлый раз согласился. Ну давай подумаем вместе, что можно сделать.

Мудко задумался, продолжая мерить кабинет шагами. Марк видел, что он постепенно успокаивается, и тоже молчал, ожидая решения. Наконец Володя остановился напротив и медленно покачал головой:

– Не знаю, Марик. Честно, не знаю. Кроме того, что собирать всякие справки о болезнях, о наличии детей, ходатайства соседей, положительные характеристики, удостоверение «Мать-героиня» – ты сам лучше меня знаешь, что надо, – посоветовать ничего не могу. И то это тебе только уже в суде может пригодиться. Да… и уйми ты уже наконец свою Любу. Задолбала меня: «Возьмите деньги, возьмите деньги. Скажите, сколько надо?» Я б эту Любу давно уже закрыл, так на ней же висит куча малых детей – и своих, и чужих. Да ещё и беременна, рожать скоро. Но в следующий раз я её точно закрою. Так и передай.

Марк понял. Больше ничего он от друга не добьётся. «Не вовремя приехал. Совсем не вовремя», – с сожалением подумал он. И, пообещав поговорить с Любой и припугнуть её, расстроенный отправился домой.

Рубикон

Вернувшись в Николаев, Марк постарался забыть о разговоре в прокуратуре Херсона. До окончания предварительного следствия было ещё много времени, и он окунулся в другие дела. Но вскоре его вновь отыскала Люба. А затем напомнила то, что Марк хотел бы забыть.

– Марк Захарович, я была на допросе у следователя. Что же вы сразу не сказали, что вы с ним вместе учились и что он ваш друг? – набросилась она на него. – Вы же можете реально помочь моей маме. Только вы!

– Люба, я обещал тебе, что сделаю всё возможное, и это обещание я сдержу. Но только, как у нас говорят, в рамках закона. Это понятно?

– Да при чём тут закон, маму спасать надо! Мы готовы на всё!

– Люба, езжай домой и с разговором на эту тему ко мне даже не подходи!

Она, обиженная, ушла, и Марк решил, что вопрос исчерпан. Но плохо же он знал цыган.

На следующий день у дверей юрконсультации нарисовалась Люба с целым выводком своих и чужих детей, облепивших ступеньки и оккупировавших коридор.

– Марк Захарович, ну будьте вы человеком! Вы же с Мудко друзья. Ну что вам стоит? – твердила она, улучив момент, когда он освобождался от очередного клиента.

– Люба, не мешай работать. И не трать своего времени. Сказал – нет, значит, нет!

Но она, как безумная, не слушала его и продолжала уговаривать, не обращая внимания на его нежелание с ней общаться. И так чуть ли не каждый день.

Наступили выходные. Приятный субботний день. Жена с сыном гуляли в парке, а Марк после обеда стал собираться на рыбалку. Оделся соответственно, приготовил снасти и наживку. Выйдя в коридор, уже закрывал за собой двери на ключ.

И вдруг звонок. Прозвени он на пять секунд позже или не будь его любопытство столь гипертрофированным, возможно, судьба сложилась бы по-другому. Но… произошло так, как произошло. Марк вернулся в квартиру и поднял трубку. Душераздирающий крик и плач пронзили душу:

– Марк Захарович, спасите, спасите нас! Вы у нас единственная защита! Если в вас есть хоть что-то человеческое! Вы знаете, где мы живём. Пожалуйста! Это срочно! – голос Любы захлёбывался в рыданиях, раздались короткие гудки, напрочь отключившие его способность соображать.

Уже через минуту Марк как был в рыбацкой одежде, так и помчался в такси по направлению к посёлку, где у своих родственников жили цыгане. Пару дней назад пришлось краем уха услышать, что у каких-то николаевских цыган произошёл конфликт с цыганами херсонскими. Большая драка, поножовщина.

И первое, что в тот момент он подумал: прибывшие из Херсона Люба с семьёй попали в эту переделку. Её вопль «Спасите!» звучал неподдельно искренне. Так мог кричать только человек в крайней для жизни ситуации.

Подъехав к небольшому беленькому домику, Марк увидел, что беременная Люба с кучей детей ждут его у калитки. Выйдя из такси, он направился к ней, но она, раскинув руки, уже бежала навстречу.

Не успел он открыть рот, как Люба бросилась к нему, крепко обхватила за плечи и, прижавшись своим огромным животом («Боже, ещё ребенка задавит!»), затараторила сквозь слёзы:

– Сегодня в Херсоне, в прокуратуре… видела мать… она при смерти… еле шевелит губами… попрощалась со мной… Марк Захарович, она не доживёт до суда! Следователь ваш друг, и верит он только вам. Я вас умоляю… У вас тоже есть мать… Представьте, что это ваша мать при смерти и, чтобы спасти её, вам нужно всего лишь какие-то деньги передать… Например, врачу через меня. А я бы не соглашалась… И что бы вы тогда? Ведь речь идёт о жизни и смерти. Смерти матери! – и на зелёной рыбацкой рубахе Марка, к которой она всё это время прижималась, расплылось тёмное пятно её слёз.

Внезапные объятия Любы, её живот, прижатый к нему, слёзы, ручьём струившиеся из глаз, и этот прерываемый рыданиями из глубины души полный неподдельного горя монолог перевернули душу, и Марк отчётливо представил себя и свою маму.

«Конечно же, в такой ситуации я бы вырывался из собственной кожи, чтоб только спасти её. Что может быть важнее спасения матери?! И Люба сейчас делает то же самое, – скользнула мысль, – её мать невиновна. Семь лет тюрьмы угробят её. За что? За то, что спасала от смерти своего сына? А кто спасёт её?»

– Ладно. Неси деньги… – неожиданно, словно со стороны, он услышал свой и в то же время чужой голос.

«Всё… Рубикон – позади», – мелькнула мысль.

Лицо Любы вспыхнуло от радости, а ручеёк слёз мгновенно высох. Она жестом пригласила его войти в дом.

Марк впервые попал в цыганское жилище и был немало удивлён его удручающей неустроенностью: некрашеный, в жёлтых пятнах дощатый пол, облезлые, местами ободранные аляповатые зелёные обои, старенький деревянный стол, буфет с покосившимися дверцами и две лавки на кухне, на которых сидели двое мужчин в потёртых штанах и цветных шёлковых рубахах навыпуск, а также два мальчика-подростка.

Все они, несмотря на разницу в возрасте, курили, и дым стоял такой, будто сгорела табачная фабрика. В большой комнате весь пол завален тюфяками и красными стёгаными ватными одеялами. Ни одной кровати, шкафа или иной мебели.

«Вот тебе и цыгане. Сами – в золоте. Тысячами ворочают. А быт и удобства им вообще неважны?» – удивился про себя Марк.

– Здесь пять тысяч, – быстро вернувшись, уточнила запыхавшаяся Люба, вручая завёрнутый в газету пакет. – Половину отдадите сразу, а другую – когда следователь уже поможет маме, – напутствовала она.

Марк, взяв деньги, бросил взгляд на куривших мужчин, которые, неторопливо беседуя на своём языке, делали вид, что происходящее их совсем не интересует. Он молча положил пакет в карман, а затем отправился на улицу ловить такси.

Вечером позвонил Володе, пообещав назавтра приехать к нему домой.

Рыбалка сорвалась… И не только рыбалка…

На следующий день, прихватив бутылку водки, Марк отправился в гости к другу.

Знал бы он, чем эта встреча закончится…

Хмурое утро

Мозг взорвался от надрывающей барабанные перепонки сирены дверного звонка. Веки запаяны клеем. С огромным трудом разомкнул их. Утро. На часах шесть ноль-ноль. Значит, поспать удалось всего четыре часа.

Валерия тоже проснулась и испуганно смотрела на дверь.

Невероятным усилием вырвав себя из мягких объятий постели, с полузакрытыми глазами, даже не спросив: «Кто?» («Скорей бы заткнуть проклятую сирену…») – открыл замок.

В квартиру один за другим мимо него просочились двое в штатском и двое в милицейской форме. Первого узнал сразу. Это был Вернoруб, тот самый начальник следственного отдела, у которого он спрашивал, кто ведёт цыганское дело и где кабинет Мудко.

– Рубин Марк Захарович? – тон вопроса – выстрел в голову.

– Да, а в чём дело? – спросил он, хотя уже всё понял.

Вернoруб показал постановление на обыск и сразу предложил:

– Марк, давайте по-хорошему чтоб мы вам тут все полы в квартире не ломали. Где вторая половина денег Любы?

Марк молчал. Частыми и гулкими ударами ухало сердце.

– Молчать нет смысла. Цыганка нам уже всё рассказала. В деталях и подробностях. Есть и другие свидетели. Где две с половиной тысячи рублей? – нажимал Вернoруб.

Марк вспомнил курящих цыган в доме Любы в момент передачи денег. Отметил, что следователю известна точная сумма – две с половиной тысячи, – и понял: уходить в отрицание бесполезно.

«Против моих показаний – показания Любы, её родственников, деньги, которые они всё равно найдут. Да и Володю они расколют, если уже не раскололи. Он подтвердит передачу денег. Выхода нет…» – молнией пронеслось в мозгу.

И, поскольку особо прятать деньги он не собирался, молча показал на антресоль. Пакет с ними можно было просто достать рукой, что Вернoруб и сделал.

– Зовите соседей, понятых, – кивнул он милиционерам. Они исчезли и вернулись нескоро – народ ещё спал.

Пересчитали деньги, переписали номера купюр – все две с половиной тысячи рублей были на месте. Потом произвели беглый обыск. Обернувшись к Марку, Вернoруб взглянул на настенные часы, которые показывали девять ноль-ноль, и как будто между прочим бросил:

– Одевайтесь, Марк Захарович. Вам придётся проехать с нами.

Одевался второпях. При этом не заметил, как воротник его синей рубашки зацепился одним концом за воротник серого рабочего костюма, а второй конец воротника торчал вверх, словно крыло мотылька.

Обнял жену. Вдохнул её запах. Посмотрел в глаза. В них – немой вопрос и кричащий ужас.

Его под руку вывели во двор и усадили на заднее сиденье одной из двух машин, на которых приехали Вернoруб и его команда.

«Всё… конец, – мелькнула мысль. – За что? Пытался спасти попавшую в беду женщину? Чужую боль чувствовал сильнее своей? Ведь потому и пошёл в адвокатуру. За то, что пытался быть таким, как отец?.. – Перед взором Марка возникло родное лицо отца. – Эх, папа, папа! Что я натворил?! Я знаю, как беспредельно ты меня любишь. Как переживаешь за любой пустяк, происходящий со мной. А тут… Я даже не могу представить, что будет с тобой, когда узнаешь, что я арестован. Молю только об одном: Боже, дай тебе силы пережить это!»

Вдруг всё вокруг исчезло. Нет ни машины, ни сдавивших его с обеих сторон милиционеров, нет никого… Всё исчезло, кроме отца, смотрящего ему глаза в глаза…

Отец хоть и происходил из крестьян, но основную часть своей жизни проработал сапожником в небольшом украинском городке Дубны. Имел обширную клиентуру не только потому, что хорошо чинил и шил обувь, но и потому, что был он необыкновенно добрым и светлым человеком.

В то время не существовали многочисленные сейчас фонды милосердия. И, уже будучи взрослым, Марк понял, что его отец – в единственном числе – был реальным, хоть и неформальным фондом милосердия в их городке.

Минимум раз в месяц, услышав звонок и открывая дверь, Марк видел перед собой незнакомых людей с одним и тем же вопросом:

– Простите, Захар Натанович здесь живёт?

– Здесь. Проходите.

Отец поднимался навстречу незваным гостям:

– Я Захар Натанович. Что случилось?

– На Школьной… старый Рабинович, вы его знаете?

– Нет. Не знаю.

– Так он тяжело болен. А родственников нет, ухаживать некому. Сказали люди, вы поможете.

– Понятно. Адрес?

Отец тут же забирает половину денег из дома, обходит соседей, уважавших его и дававших, кто сколько может. Нанимает сиделку, покупает лекарства – делает всё возможное и невозможное, чтобы помочь незнакомому человеку.

Через пару месяцев снова звонок в дверь:

– Простите, Захар Натанович здесь живёт?

– Здесь. Что случилось?

– На Загородной сегодня умерла одинокая старушка. Хоронить некому.

– Адрес?

Порядок тот же: деньги из дому, сбор по соседям, организация похорон неизвестной старушки. И так по несколько раз в году.

Марк понимал, что такая благотворительность в первую очередь была результатом потребности души. Производным трудно прожитой жизни. Отец никогда не задумывался, почему это делает. Это было как пить воду и есть хлеб.

Немаловажную роль в этом сыграла и его религиозность.

«И совсем не такая уж плохая штука эта религия, – иногда размышлял Марк. – Нам столько лет внушают, что религия – опиум для народа. А на самом деле ничему плохому она не учит. Только хорошему. Учит ты-ся-че-ле-тиями!»

Марк видел, что в каждом из этих поступков отца всегда поддерживала и помогала мама – Глафира Марковна, работавшая медсестрой. А сына она назвала в честь своего отца, дедушки Марка, который прожил восемьдесят семь лет.

Небольшого роста, крепко сбитый, с голубыми глазами, он однажды рассказал Марку интересный эпизод, случившийся с ним в Первую мировую войну, за что он получил высшую солдатскую награду – Георгиевский крест, которым так гордилась вся его семья.

В конце мая 1916 года начался легендарный Брусиловский прорыв.

Некоторое время они – только недавно сформированная и прибывшая на фронт войсковая часть – кормили вшей в окопах. Ни вперёд, ни назад. Дожди, ветра, грязь, голод. Проклинали всех и вся. Настроение – убийственное.

Напротив – враг в таких же окопах. И вдруг команда: завтра в наступление, в штыковую атаку, выбить австрияков с их позиций.

Дедушка прибежал в землянку, хвать – а подушки-то его и нет: всё расхватали. Солдаты запихивали их спереди под шинель, чтобы прикрыть грудь и живот от пуль. У них, ещё ни разу не хлебнувших боя, считалось, что пуля, вращаясь, застрянет в перьях подушек. Как оказалось, ошибались.

Делать нечего, дедушка быстро отыскал кусок толстой доски и крепко приладил её под шинель, чтобы защитить грудь если не от пули (доску прошьёт легко), то хотя бы от штыка.

Ночь без сна. Ещё даже не рассвело – команда: «В атаку! Вперёд!»

Выскочив из окопов, побежали. Молча. До противника триста метров. Смертельных метров.

Атака была столь внезапной, стремительной и в полной тишине, что противник даже не успел открыть огонь.

Они бежали, бежали, бежали, и этот бег казался бесконечным.

Бегущие солдаты вокруг падали, теряя сознание просто от страха. Страха простых людей, которым никогда не приходилось вонзать штыки в человеческое тело, убивать и слышать предсмертные хрипы.

Людей, вдруг осознавших, что сейчас, в эту самую минуту, в этот миг, их самих могут пронзить вражеские штыки и пули и это будет всё, конец – смерть, страшная и мучительная.

А дальше с дедушкой случилось что-то странное. Необъяснимое.

Он абсолютно потерял ощущение реальности. Его подхватила и понесла вперёд неведомая сила, рождённая единственной целью – выжить и победить.

Победить во что бы то ни стало! Ибо он не помнил в деталях, что и как делал сам. Не помнил, кто и что делал с ним. Он стрелял, колол и бил прикладом в серую массу врагов, время от времени возникавших перед ним. Он абсолютно не

помнил ни своих мыслей, ни своих чувств.

Скорее всего, было только одно всепоглощающее чувство – смесь ярости и страха, – которое сжало, спрессовало в ноль всё его мироощущение. Но, к счастью, не его волю.

Потому что, когда он пришёл в себя, всё уже закончилось, а он хотя и был ранен, но остался жив. Они победили, заняли позиции противника. Хоть больше трети его товарищей осталось в той земле навсегда.

А в почти расколотой доске, которую дедушка засунул под шинель, и в самой шинели насчитали двенадцать крупных дыр от ударов штыками и кинжалами.

Поэтому командиры, решив, что он расправился с двенадцатью врагами, представили его к высшей награде Российской империи – солдатскому Георгиевскому кресту, который он благополучно и получил.

Прошло семнадцать лет.

Тысяча девятьсот тридцать третий год сдавил удавкой голода Украину, Поволжье и другие районы Советского Союза. Не обошёл он и Полтавщину, где в то время проживали дедушка с семьёй: женой, дочкою и сыном.

В крошечной однокомнатной хатке в лёжку замерли дедушка и его дети: пятнадцатилетний сын и восемнадцатилетняя дочь.

В доме давно уже не было и крошки хлеба. Силы встать, двигаться тоже не было. Повернув голову, Марк-старший смотрел на умирающих детей, и слезинки одна за одной скатывались по его измождённому лицу.

И только бабушка ещё кое-как могла передвигаться. Время от времени она подносила мокрую тряпку к лицам детей, выжимая капли воды в их полуоткрытые губы.

Вот она подошла к мужу, их глаза встретились, и вдруг мысль как молния пронзила его:

– Крест… – прошептал он, – крест…

Бабушка сразу всё поняла. Она знала, как любил и берёг её муж самую почётную солдатскую награду, как дорожил ею. Но сейчас…

Она не осознавала, как сумела откинуть неподъёмную крышку и вытащить Георгиевский крест из необъятных глубин старого деревянного сундука, на котором спала последнее время.

Собрав оставшиеся силы, бабушка, пошатываясь и опираясь на крючковатую палку, медленно заковыляла к небольшому базарчику, располагавшемуся недалеко от дома.

– Только бы не упасть… Только бы не упасть… – беззвучно твердили обескровленные губы.

Мысль о том, что в её дрожащих руках сейчас не просто крошечный кусочек серебра, в её руках – три самые дорогие для неё жизни: дочери, сына и мужа, – эта мысль влекла её вперёд. В атаку на голодную смерть.

И она победила!

Домой бабушка вернулась с большим куском сала и мягким караваем хлеба.

Разделённые ею на крохотные кусочки, эти дети Георгиевского креста уберегли от нависшей гибели всю их семью. В их сердцах и в памяти он навсегда остался с ними – Георгиевский крест.

Каждый раз, вспоминая эту семейную историю, Марк думал: а попади он в подобную переделку – смог ли бы справиться со своим страхом или слабостью и проявить себя так же, как его любимые дедушка и бабушка? Вопрос…

Следственный изолятор (тюрьма)

…– Приехали, гражданин адвокат… О чём задумались?.. Ну-ну… Скоро у вас времени для размышлений будет… завались, – с ехидцей прервал воспоминания Вернoруб.

Машина въехала в Херсон. За окнами замелькали сначала беленькие частные домики, а потом и многоэтажки. Мимо промчалась милицейская машина с жутко воющим звуком сирены, что вернуло Марка в реальность.

«Боже! – простонал он. – Голова сейчас расколется!»

Он схватил голову руками и стал её тереть, пытаясь успокоить боль, и тут до него дошло: «Я – успешный и уважаемый адвокат! У меня семья, любимый сын, друзья, работа, которую я люблю, мой город – и всё это только что превратилось в прах? В ничто? А впереди? Что впереди? – в воображении со всех сторон приближались и рушились прямо на него мрачные стены тюрьмы, которую не раз приходилось посещать на свиданиях с подзащитными. – Да не хочу я этого впереди! Я вообще не хочу жить! Я не хочу жить! Не хо-чу…»

Сила вмиг появившегося желания уйти из жизни, разрастаясь, заполняла всё больше и больше, а потом вдруг взорвалась так, что он и вправду стал исчезать из этого мира… И – тьма… Тьма… Уже неощутимые – тишина и кромешная тьма.

Первое ощущение, после того как очнулся, – мокро… отвратительно мокро. Вся одежда – рубашка, пиджак – хоть выжимай. И стойкий запах пота. Его пота.

Возвращению к жизни Марк был обязан врачам больницы, оказавшейся на пути в тот момент, когда он потерял сознание и куда его занесли на руках. А молодой организм пожертвовал добрым запасом сил, имеющихся в нём до отключки. Потому что по дороге из больницы назад к машине его тоже почти несли. Еле передвигал ватными ногами.

Да, нужно признать, что к такому удару он оказался не готов.

«Люба… Люба… Как она могла? Как там следователь сказал: "Цыганка нам уже всё рассказала. Во всех деталях и подробностях"? Сколько я её знаю? Меньше месяца. А что я вообще о ней знаю? Да ничего! Да, она страстно хотела спасти

свою мать! И для этого ничего лучше не придумала, как одним махом убрать и следователя, и меня, показав свою лояльность, и таким образом облегчить участь своей матери? Цыгане ведь ещё те психологи! Так разводят людей на улицах и вокзалах, что те им сами отдают всё до последнего гроша. И Люба, мастерски сыграв на самых тонких струнах души, сначала заманила в этот капкан, а потом и сдала. И меня, и Володьку! Он, наверное, тоже арестован, и его заставили признаться. Они на это мастера! Иначе откуда бы они узнали, что половина денег у меня дома. Я должен вытащить хотя бы его! – Неожиданно из памяти всплыла маленькая замурзанная девочка, сидящая на крыльце Володиного дома во время их последней встречи. – Что будет с ней и с его женой?!» – терзался Марк, позабыв о своей семье.

И к моменту первого допроса решение было принято. В кабинете Вернoруба он сразу попросил ручку и бумагу, сказав, что обо всём напишет сам.

– На чьё имя писать заявление?

– На имя прокурора области Михаила Ивановича Пасюка, – ответил Вернoруб.

– Скажите, а где сейчас Владимир Мудко?

– Где-где? В соседнем кабинете. Его допрашивают. Он, в отличие от вас, даёт показания.

Сердце, ударов которого Марк после приступа вообще не слышал, загрохотало залпами «Катюши»: «Боже! Таки угробил Вовку! Нужно срочно что-то делать!»

– Вы только учтите: я пишу признание, но Мудко ни в чём не виноват! Он отказался принять деньги! Я, уходя из дома, бросил их в угол коридора. Он этого не видел, – со всей возможной искренностью зачастил Марк.

Вернoруб и его коллега переглянулись. В их взглядах читались и недоумение, и ирония. «Не верят…» – понял он.

– Поверьте, я говорю правду. Мудко ни в чём не виноват. Я признаю, что предлагал взятку, но он её не принял. Отказался, – настаивал Марк.

– Ладно, ладно, Рубин, вы пишите, – махнул рукой Вернoруб. – Суд разберётся, кто виновен, а кто невиновен.

Ручка дрожала в руке, но теперь уж не от волнения, а от слабости, и корявые буквы вытанцовывали на белом листе бумаги признание, упорно отводя от друга угрозу обвинения в получении взятки.

Уверенность в том, что цыганка Люба так мгновенно и подло предала его, лишила Марка способности сопротивляться.

Он, всегда находивший самые невероятные пути оправдания или смягчения участи всех своих подзащитных, оказался бессилен защитить самого себя.

Когда Марк закончил писать, Вернoруб, пробежав глазами документ, повёл пошатывающегося от слабости Марка на второй этаж, в кабинет прокурора области Михаила Пасюка.

Почтительно передав заявление Марка своему шефу Вернoруб пошептался с ним и, коротко, как бы прощально взглянув на Марка, вышел из кабинета.

Михаил Иванович Пасюк, худощавый, подтянутый мужчина в чёрном деловом костюме, с белой рубашкой и бордовым галстуком, с густой шевелюрой и довольно правильными чертами лица, лет на двадцать пять старше Марка, сидел за столом и читал заявление и протокол допроса.

Минут десять в кабинете висела тишина, изредка прерываемая жужжанием осы, безуспешно пытавшейся пробуравить головой оконное стекло.

Наконец прокурор закончил читать и соизволил поднять глаза.

Перед ним стоял, опираясь на спинку стула, в общем-то обычный высокий, худощавый, с впалыми небритыми щеками парень лет двадцати пяти.

А вот что бросилось в глаза прокурору, так это его лицо жёлто-землистого цвета. В тот момент оно было больше похоже на лицо мертвеца, если бы не огромные карие глаза под густыми, чуть вразлёт чёрными бровями. Влажные и выразительные – они высвечивали всё, что клубилось в глубине его души, и

Пасюк отчётливо разглядел в них отчаяние и безнадёжность.

– Ох, какой же ты ещё молодой, Марк Захарович, – с издёвкой проговорил он, – а знаешь, за что ты будешь сидеть?

– За посредничество…

– Нет, дорогой, – ухмыльнулся прокурор, – сидеть ты будешь вот за что…

Он открыл верхний ящик своего стола, и перед Марком легла… копия жалобы, которую он написал и отправил с Любой в ЦК Компартии Украины.

– Ты, хлопчик, чуть меня, мою карьеру не угробил. По крайней мере, притормозил. И надолго. Меня ведь только-только назначили прокурором области. А я такого не то что тебе, я бы и брату родному не простил! – зло прошипел прокурор. – Ты понял? Так что сидеть тебе для начала, сколько суд даст, а потом… мы ещё что-нибудь придумаем!

Прокурор нажал невидимую кнопку, и в кабинет вошли два милиционера.

– В следственный изолятор, – коротко бросил Пасюки, повернувшись к Марку, сказал: – А у тебя теперь будет достаточно времени подумать, на кого можно жалобы писать, а на кого нельзя.

Зэк

Милиционеры – офицер и сержант – сопровождали Марка в машине-автозаке в его новый «дом». Глядя на помертвевшее лицо арестованного, офицер попробовал шутить:

– Ну что вы так убиваетесь, товарищ адвокат? Всё проходит. Раньше сядете – раньше выйдете! И в тюрьме люди живут.

Отвечать не хотелось. Потрясение сменилось торможением. Ни мыслей, ни чувств. Мозг замер.

Его ввели в здание изолятора и подвели к окошку, где офицер предъявил документы, а сидевшая внутри женщина стала оформлять задержание. Закончив, она выдала какую-то справку офицеру. Тот положил её в полевую сумку, повернулся к Марку и неожиданно заорал:

– Что стоишь, зэк грёбаный! Пшёл, сука! Пшёл! – он махнул рукой на дверь, у которой его уже ждали контролёры изолятора.

Марк оцепенел, в ужасе глядя на офицера: «Неужели это – тот же человек, который двадцать минут назад так вежливо и с сочувствием успокаивал меня в автозаке?»

И в одно мгновение он осознал: великий и единый советский народ тоже делится на касты. И он сейчас из высшей касты рухнул в низшую. Из «товарища адвоката» стал «грёбаным зэком».

«Зэк» – слово, вызывающее у людей, живущих на свободе, только два чувства: презрение и страх. Марк вспомнил, как у него самого вздрагивало в душе, когда он попадал в компанию человека, о котором говорили: «Он сидел». Чем-то неведомо опасным веяло от таких людей.

И это несмотря на то, что ему нередко приходилось общаться с подзащитными, бывшими под стражей, и даже участвовать в выездных заседаниях суда в колонии.

Очевидно, в людях генетически было заложено представление о зэках как о людях, побывавших в другом, почти потустороннем мире. Страшном и неестественном. И сейчас Марк тоже стал частью этого мира.

Отчаянным усилием воли он подавил в себе рвущийся наружу протест и, как на смерть, поплёлся к ожидавшим его «ангелам» в зелёной форме с малиновыми погонами на плечах.

Два дня отсидел в карантине – пустой камере, где рама кровати была перехвачена решёткой из тёмно-зелёных железных полос. Ни матраса, ни подушки, ни одеяла. Своеобразная пытка: ни лечь, ни повернуться.

Мысли, одна страшнее другой, роились в голове, а картины будущего рисовались всё мрачнее и мрачнее.

«Как же так? Как мог я, избранный уже после трёх лет работы в "золотую десятку"...» – и тут он мысленно перенёсся всего на пару месяцев назад, в зал совещаний коллегии адвокатов, в котором ежемесячно слушал лекции опытных мэтров на курсах «молодых адвокатов».

Только в этот раз все члены коллегии собрались совсем по другому поводу: выборы комиссии по качеству – «золотой десятки» адвокатов области.

Адвокат, избранный тайным голосованием в эту комиссию, становился на три года неприкосновенным для проверок, а сам мог проверять любого из коллег по указанию председателя с правом ходатайства об увольнении, если считал его работу недостойной.

Каждый писал свою десятку лучших и бросал записку в небольшую урну. Секретарь президиума коллегии подсчитывал голоса.

Марк, быстро написав свою «золотую десятку», с нетерпением смотрел в окно, торопясь успеть посмотреть футбольный матч с участием любимого «Динамо» (Киев).

Он ни сном ни духом не предполагал, что кто-нибудь может включить его в заветный список. Да, он выиграл несколько громких дел, где журналисты собирались «размазать» подсудимых и на страницах своих газет, и на телевизионных каналах, а ушли несолоно хлебавши, так как Марку удалось доказать, что степень вины его подзащитных гораздо меньше, чем уже успела протрубить пресса. И конечно, об этом ещё долго судачили в городе.

Да, он любил и часто общался с коллегами, посещая их процессы и попивая пиво в баре. Но предположения, что в течение ближайших лет он может оказаться в

«золотой десятке», не было даже в мечтах.

Наконец председатель коллегии закончил подсчёт и огласил список. Услышав свою фамилию, Марк подпрыгнул на стуле и сразу забыл о футболе.

«Я в "золотой десятке"? Чёрт! Вот это да!» – радость переполняла душу и даже выплёскивалась за её пределы.

… «И как же я мог попасться на такую простую провокацию полуграмотной цыганки?! Пожалел людей, о чьей изворотливости и хитрости был столько наслышан, хоть и не сталкивался с ними лично. А себя, свою семью, сокурсника и друга Володьку его семью – не пожалел.

Что будет с ними? Зачем поверил незнакомой, по сути, женщине? Сам себя сунул в капкан, выход из которого даже не просматривается…» – казнил он себя снова и снова.

Часы тянулись бесконечно. Мозг, взорванный арестом и всё это время кипящий в поисках выхода, катастрофически нуждался в торможении. Марк закрыл глаза, и перед его взором поплыли счастливые картинки его детства и юности.

Детство

Белый одноэтажный широкий дом на два входа. Слева – в детский садик, справа – в четырёхкомнатную коммуналку, две комнаты в которой и занимала их семья. Но, чтобы попасть к себе, нужно было пройти через обе комнаты соседей.

Удобства – во дворе. Купались только в корыте, а позже, когда Марк подрос, по воскресеньям мылись с папой в небольшой городской бане. Еду готовили на примусе-керосинке.

Лет с пяти Марк увлёкся чтением сказок. К школе прочёл все имеющиеся в районной библиотеке русские народные сказки, сказки братьев Гримм и сказки народов мира.

Сказки, в которых добро всегда побеждает зло. Читал взахлёб: когда папа вечером перед сном выключал свет, он продолжал читать, светя фонариком под одеялом.

На улице отвратительно воняло бытовым антисемитизмом. Слово «жид» – презрительное, клейкое, опаляющее внутренности – не раз приводило Марка в бешенство, хотя именно его так не обзывали. Мальчишки, слышавшие слово «жид» от родителей, между собой употребляли его довольно часто. В анекдотах и просто так.

Большего оскорбления не существовало. Жадность, позор, инородность – всё было в этом слове. И хотя драчуном Марк не был, но, если бы это слово прозвучало в его сторону, полез бы обязательно. И получил бы обязательно. К счастью, не пришлось.

В школу

В семь лет с замиранием сердца и большим букетом цветов Марк потопал в первый класс. Учили на русском языке, а украинский – несколько раз в неделю, и знали его очень хорошо.

Однажды во втором классе кто-то из учителей не пришёл на урок. Неожиданным порывом Марка вынесло к доске, и он стал рассказывать прочитанные ранее сказки. Рассказывал так увлечённо, эмоционально и образно, что одноклассники слушали, замерев, будто смотрели фильм. Даже вошедший в класс в конце урока завуч не стал перебивать. Он сел и, подперев голову рукой, слушал со всеми до конца урока.

После этого всякий раз, когда срывался какой-то урок, одноклассники кричали: «Марик, давай!»

Он выходил на место учителя и начинал рассказ. Первое время о том, что прочитал. Потом стал придумывать на ходу. Сначала сказки, а потом всякие истории про войну, про рыцарей.

Сюжеты и образы героев возникали перед его внутренним взором прямо из воздуха и с такой быстротой, что он еле успевал их озвучивать. В эти минуты он просто «исчезал» и из класса, и из своего времени, растворяясь в мире сочиняемой эпохи и выдуманных героев.

На этом и держался авторитет в классе, так как ни силой, ни удалью Марк не отличался. Но обижать его не покушались даже самые отъявленные хулиганы и второгодники. После его моноспектаклей с рассказами он был для них как с другой планеты.

Летело время, отмечавшееся табелями оценок в конце каждого учебного года. В седьмом классе Марк, отмучившись целых пять лет, попрощался с музыкальной школой, научившись неплохо играть на баяне. Не по призванию. Папа заставил.

Витя Белый

До восьмого класса он рос худым и длинным слабаком: ни по канату залезть, ни через «козла» прыгнуть. По физкультуре – четвёрка только из уважения к пятёркам по всем остальным предметам. Учёба, музыка и особенно книжки забирали всё его время.

В этом же восьмом классе Марк крепко сдружился с парнем из параллельного класса, Витей Белым. Они были знакомы с первого класса: жили почти рядом, на одной улице.

Выше среднего роста, смуглый, жилистый, с карими глазами на умном скуластом волевом лице, с первых классов Витя был лучшим спортсменом школы, да, пожалуй, и всего городка. По всем игровым видам спорта: футбол, гандбол, хоккей, волейбол. В школе тоже отличник.

Писал стихи. Хорошие стихи. Лучше, чем у Марка. Они и раньше знали друг о друге, часто виделись, но близко сошлись только в восьмом классе, оба любили играть в шашки и в баскетбол. И оказалось, что они абсолютные «близнецы». Не лицами – душами.

Оба были одинаково образованны и начитанны. Обоим нравились одни и те же книжки, и было так интересно друг с другом, что, когда мама говорила Марку:

«Сейчас яичницу поджарю», он отвечал: «Хорошо. А я пока к Вите сбегаю…» – их неудержимо тянуло друг к другу.

Музыкальная жизнь

Подошло время «Битлз», и музыкальные группы в три гитары и ударник завоевали мир.

В девятом классе Марк собрал свою первую группу: баян, гитара, ударник и контрабас. Не совсем «Битлз», но – первые в городе.

Витя Белый и ещё четверо друзей сложились в вокальный квартет. Тренировались петь в два, три, а иногда и в четыре голоса – каждый свою партию. И успех на любых концертах был неизменным.

Именно в это время в гости к Марку, не спрашивая разрешения, стали вплывать романтические песни – он сочинял их одна за другой.

Когда на Восьмое марта их пригласили дать концерт на местной швейной фабрике, он, выйдя на сцену, был поражён – вокруг одни женщины.

Тогда Марк на ходу изменил репертуар, предложив ребятам спеть его песню, написанную по мотивам рассказа А. Грина «Бегущая по волнам».

Успех был оглушающим, их долго не отпускали со сцены!

Сильными всегда

молодость полна —

Море их рождает часто.

Но никто не смог

просто по волнам

За своей мечтой

умчаться.

Лишь девчонка,

что умела верить,

оказалась самой сильной…

Вот такая

и

сумеет

Сделать жизнь

По-настоящему

красивой.

Школьные годы чудесные…

Однажды, в девятом классе, Марка вместе с одноклассниками Юрой Свирским и Колей Гариным выдернула с урока учительница английского Анна Михайловна и повела в актовый зал школы, стены которого были увешаны портретами вождей и выдающихся педагогов.

Там уже, весело болтая, сидели Витя Белый, Толик Плоткин и Гена Маневич.

Все они хорошо знали друг друга, а Коля и Витя уже давно были Марку ближе, чем братья.

«И для чего это нас так срочно собрали?» – подумал Марк, оглядывая ребят, разместившихся на первом ряду у самой сцены.

Коля Гарин – среднего роста, русые волосы, серые глаза. Самородок. «Кулибин». Казалось, он и спит с паяльником в руке. Ещё в седьмом классе Коля без чьей-то помощи из проводков и транзисторов сам собрал радиоприёмник, по которому связывался с радиолюбителями аж из-за рубежа.

«Настоящий ариец», Коля не боялся ни бога, ни чёрта. Защищаясь, он и глазом не моргнув выбил зуб второгоднику и хулигану Лёньке Москаленко, которого боялась вся школа.

С Толиком Плоткиным Марк часто пересекался на городских и областных олимпиадах сочинений. Только Марк писал стихами, а Толик – прозой.

Толик – небольшого роста крепыш, всегда с пытливым взглядом широко распахнутых больших серых глаз, характерным орлиным носом и кучей неистребимых талантов: и гимнаст, и акробат, и художник, и артист.

Лицо излучает интеллект и национальность.

(Анекдот:

– А вы по национальности?..

– Да. А вы?

– Нет.

– А шо так?!)

Гена Маневич учился с Толиком в одном классе. Обожаемый учителями и друзьями невысокого роста плечистый блондин с никогда не теряемой обаятельнейшей улыбкой и умением уже через пять минут расположить к себе любого. Прекрасно пел и танцевал. А ещё он с детства был помешан на математике, ставшей вскоре его судьбой.

Одноклассником Марка был и Юра Свирский. Красавчик, любимец девочек, солист танцевального ансамбля. Единственный из всех учившийся так себе, но рубаха-парень, тянувшийся к Марку с Колей и искренне к ним привязанный.

– Ребята, я собрала вас во время занятий, чтоб потом не ловить после уроков, – будто прочтя мысли Марка, начала Анна Михайловна. – Собрала для того, чтоб составить из вас новую команду. И я хочу, чтобы эта команда закрутила внеклассную жизнь школы, сделала ее разнообразней и приятней, – непривычно торжественно продолжала учительница. – На повестке дня: концерт ко Дню учителя, «голубой огонёк» к празднику Октябрьской революции и концерт к Новому году. На вас ложатся и сценарии, и организация всего этого.

А есть и кое-что новое, – улыбнулась она, – вам предстоит организовать команду КВН в школе. В феврале начинается первенство города. И мы должны, как всегда, быть первыми! Я в вас верю. Если будете не успевать с репетициями – отпрошу с уроков. Ничего. Догоните. Возражения есть?

Анну Михайловну любили все. Ни у кого не мелькнуло даже мысли отказаться. И несмотря на то, что все они были из разных классов, разных темпераментов и пристрастий, вскоре их сборища и репетиции в выходные, после уроков, а иногда и вместо них накрепко спаяли пятёрку парней в одну команду.

Они придумывали невероятные сценарии, а затем проводили школьные концерты и быстро ставшие популярными «голубые огоньки», не только привлекая талантливых ребят, но и сами участвуя в них.

Часто, не желая расставаться после школы, бежали делать уроки друг к другу. Вместе «отрывались», отдыхая в лесу и на реке.

Марк, воспитанный на книгах Джека Лондона, Фенимора Купера и Майн Рида, конечно же, идеализировал их дружбу, вкладывая в это понятие самый высокий смысл этого слова.

Дружба без преданности и самопожертвования была для него не дружбой. И конечно же, последствия идеализации не заставили себя долго ждать.

В десятом классе Коля Гарин оборудовал электронными машинками для тестов математический кабинет. Узнав об этом, учитель физики насел на него, пытаясь заставить сделать то же и в кабинете физики.

У Коли характер. «Меня заставлять – только время терять», – выпалил он физику прямо в лицо.

Выпускные экзамены. Физика. Марк отвечал как раз перед Колей и без труда получил свою пятёрку. Вернулся к парте и стал не спеша собирать вещи. Вдруг слышит:

– Ну что ж, Гарин… Больше четвёрки я тебе поставить не могу.

Несправедливость учителя швырнула Марка обратно к экзаменационному столу.

– Пётр Ефремович, вы ставите Гарину четыре? Да лучше его ни одна душа в школе физику не знает!

– Марк, ты свой экзамен сдал? Сдал. Ну и топай домой, – спокойно, но с угрозой в голосе ответил учитель.

– Если Гарину – четыре, то и я пятёрку не заслуживаю.

Учитель молча исправил его пятёрку на четвёрку.

«Тьфу ты! Золотая медаль накрылась. Хоть бы серебряную не упустить. И чего добился? И другу не помог, и себе навредил. Вот балда!» – расстроился Марк. Но ненадолго. На следующий день уже забыл об этом эпизоде.

Их команда сдружилась-склеилась настолько, что Марк не представлял себе, как после окончания школы они разбегутся по разным городам.

Однажды он собрал всех в математическом кабинете и с пафосом в голосе предложил:

– Ребята, поехали поступать в один город, создадим свой собственный «город Солнца». Ведь будет глупо, если мы разъедемся навсегда! Ну как? Идёт?

Не получилось. Не сложилось. И Марк тогда впервые понял, что романтика и практика – за добрую версту друг от друга.

Журналист

Ещё в девятом классе Марк с ребятами «заболели», став сумасшедшими фанатами городских футбольных команд «Электрон» и «Звезда».

Как-то после одного из матчей Марк, придя домой, сел и одним духом написал эмоциональный репортаж об увиденном. Отнёс в районную газету.

И уже на следующий день читал его в свежем номере почти без сокращений. После этого он стал писать в газету регулярно и к окончанию школы сложил в зелёную картонную папку с белыми верёвочными завязками двадцать семь печатных работ. Приличный багаж для поступающего на журналистику, куда Марк и решил попробовать прорваться, будучи ещё в восьмом классе.

Первый блин – комом

Улетел в прошлое выпускной вечер, и до приёмных экзаменов в университет оставался ровно месяц.

Марк с Витей Белым и ещё одним другом, Геной Маневичем, решили поступать вместе в Белорусский госуниверситет в Минске, чтобы жить в одном городе и продолжать свою давнюю дружбу.

Витя – на факультет физики (которой он никогда не увлекался), Гена – математики (которую он знал и любил), а Марк – журналистики.

Сдав на отлично русский и литературу: устно и сочинение, Марк автоматически становился студентом. Ребята – тоже, если получат пятёрки по математике и физике.

Первая же четвёрка отправила бы Марка сдавать ещё историю СССР и английский. Правда, он целых три года ходил в кружок русской литературы, а

исторические книжки читал постоянно. Оставался один пробел – английский.

И тут позвонила Анна Михайловна.

– Завтра к девяти ноль-ноль у меня, с тетрадкой и ручкой.

Анна Михайловна Гордон. Чуть выше среднего роста, стройная, тонкие черты лица, высокий лоб. Умные светло-карие глаза. Благородный, чуть с горбинкой нос. Живая и в то же время сдержанная, с командным голосом повышенной громкости.

Анна Михайловна всю жизнь преподавала английский язык в их школе (жаль, что не в классе Марка), считалась одной из лучших на Украине. Но её главное достоинство – не в этом. Такого Человека Марк больше никогда в жизни не встречал.

Анна Михайловна была альтруисткой до мозга костей. Ученики всех классов, где она была классным руководителем, автоматически становились её детьми. Детьми без кавычек. Детьми, одинаково любимыми ею и одинаково любящими её.

Все знали историю одного из выпускных вечеров в их школе: уже стемнело, в разгар праздничного застолья двое пьяных идиотов пристали к парню, став избивать его на глазах у всех.

Выпускники – парни и девушки – испуганно молчали, не решаясь вступиться, – нападавшие были связаны с криминалом.

И вдруг откуда ни возьмись вихрем налетела Анна Михайловна.

С криком: «Вы что же делаете? Прекратить!» – она вклинилась между парнями, прервав избиение.

Энергия разъярённой тигрицы была столь страшной, а её авторитет столь непререкаемым, что хулиганы вмиг исчезли в темноте, будто их и не было.

И так же, как многие поколения школьников до них, Марк с друзьями оккупировали дом Анны Михайловны. Плотно и надолго. Это был… своеобразный клуб.

И вот Витя, Гена и Марк в семнадцать лет сели в грохочущий и пыхтящий чёрным дымом поезд и поползли в столицу Белоруссии город Минск.

Минск ошеломил своими невиданными просторами: широкие проспекты с отстроенными после войны зданиями, площадь Ленина, как полгорода Дубны.

Сдали документы, получили экзаменационные листы. У Марка он был номер тринадцать. Несчастливое это число будет преследовать его всю жизнь.

Первым неприятным сюрпризом стало то, что ни два года рабочего стажа, ни двадцать семь печатных работ Марка в Минском университете никакого значения не имели. Статус VIP и льготы имели только коммунисты.

Конкурс на факультет журналистики был запредельным – пятьдесят человек на место!

И вот сочинение – первый экзамен, по которому Марк просто обязан получить пятёрку, чтобы не сдавать ещё три экзамена.

Расселись в аудитории. Марк поднимает взгляд на доску, где, как всегда, написаны три темы сочинений на выбор. Сердце бьёт по барабанным перепонкам. И вдруг видит первую тему: «Ничто не забыто – никто не забыт!».

«Боже мой! Да это почти то же самое, что "Подвиги отцов – пример для нас!", с которым я в восьмом классе выиграл республиканскую олимпиаду, написав стихом! Готовое сочинение! Стоит просто переписать его. Слово в слово, запятая в запятую».

Радость неописуемая. Пульс – в норме.

И тут медленно, ядом в уши тихий дьявольский шёпот откуда-то из подсознания: «Тебе же на консультации ясно сказали: ещё ни один абитуриент, написавший сочинение стихом, не получил даже тройку. Ну напишешь. Отхватишь двойку. А

потом сам же изгрызёшь себя заживо: "Что, получил? Ведь предупреждали! Самый умный?"»

Радость погасла. Скрепя сердце, Марк взял другую тему: «Катерина – луч света в тёмном царстве» по пьесе Островского «Гроза», которую в литературном кружке школы они знали чуть ли не наизусть. За два часа спокойно написал, конечно, прозой.

И в полной уверенности в законной пятёрке сдал сочинение экзаменаторам за полчаса до окончания предоставленного времени.

А через день Марк с друзьями поехали смотреть оценку Марка по сочинению.

На мраморной колонне был вывешен список. С трудом отыскав свою фамилию, он прочитал: «Хорошо».

Сердце упало. Перед ним стояли Витя и Гена, оба отстрелявшиеся на отлично, уже студенты, и смотрели с таким недоумением и жалостью, что лучше б ему не родиться.

На экзамен по русскому шёл спокойным и уверенным. На вопросы по литературе отвечал практически одними цитатами, что в то время считалось высшим пилотажем. По билету никаких претензий. И вдруг:

– Марк Захарович, вы приехали к нам с Украины. Почему в Белоруссию? У вас в Киевском и Львовском университетах такие же факультеты журналистики. Вы знаете, что у нас надо будет изучать белорусский язык?

– Я знаю русский, знаю украинский, с удовольствием выучу белорусский.

– Сначала все так говорят. А потом получают диплом и уезжают на родину. Где родился Адам Мицкевич?

– Простите, но ведь это польский поэт! В программе по русской литературе о нём ни слова.

– Да, но если бы вы окончили белорусскую школу вы бы знали, что родился он на территории нынешней Белоруссии, чем мы все и гордимся. К сожалению, больше четвёрки вы не заслуживаете.

– Подождите! Задайте мне ещё вопросы, любые вопросы по русской литературе. Пожалуйста!

– Довольно. Вот ваш экзаменационный лист. Успеха на следующих экзаменах!

Занавес. Ещё один балл потерян. Надежда на поступление помахала ручкой.

Не спасли и последующие оценки по английскому и истории: всего набралось семнадцать баллов. Проходной – восемнадцать.

Да ещё и пятнадцать мест из пятидесяти отдали местным коммунистам, набравшим по шестнадцать баллов.

Разбитый, Марк вернулся домой, в Дубны. Неудачник. На учителей и знакомых смотреть – глаза не поднимались.

Но всё проходит. Надо жить дальше.

Работу нашёл быстро – художественным руководителем в местном техникуме.

Время до Нового года пролетело незаметно. И вдруг звонок из Минска.

– Марик, всё надоело, физика – не моё, да и соскучился. Бросаю Минск и приезжаю домой. Встречай.

Так, проучившись полгода, закончил свои первые «университеты» Витя Белый. Неожиданно. Снег на голову. Марк аж светился от радости, предвкушая скорую встречу с однодушником.

Первая любовь

Витя вернулся, и первым делом они заглянули к Анне Михайловне.

Встреча, объятия, новостей – не пересказать. Через время в дверь постучали.

Марк открыл. Оля Орешко. Маленькая, миленькая, умница. Оля училась в параллельном классе и окончила школу с золотой медалью.

Они все знали друг друга. Знали, что в последнем классе она встречалась с симпатичным хулиганом Вовкой Дороховым, а после школы училась в Харькове, постигая тонкости математической лингвистики.

Но сейчас, встретившись взглядом («у беды глаза зелёные – не простят, не пощадят…»), Марк вдруг с разбегу нырнул в её зеленый омут и не вынырнул. «Засада!»

Час общих разговоров. Пора уходить. Попрощались с Анной Михайловной и вышли в морозную снежную ночь.

«Предложить проводить её домой?..» – А сам уже мысленно бросает голову на плаху. В ожидании удара.

Она обожгла его удивлённым взглядом, но возражать не стала.

Он шёл рядом с девушкой и лепестками роз рассыпал перед нею строчки своих стихов, устилая ими всю только что очищенную от снега дорогу. И так до самого дома.

А проводив, прибежал обратно к Вите. Совершенно влюблённый. С ног – до сердца, от сердца – до головы.

И завертелось. Она – в Харькове. Он – в Дубнах. Пять дней он разгружает вагоны на железной дороге, чтобы быстрее заработать на поездку в общем вагоне поезда в Харьков. Ночует на лавочках вокзала. Ждёт, когда Оля закончит занятия и выкроит пару часов погулять с ним. Зимой. В мороз.

Потом ей надо бежать на съёмную квартиру, готовить уроки. А Марк снова – на вокзал, на свою лавочку. Там тепло и можно сочинять стихи. Через пару дней возвращается домой.

Однажды часа в три ночи он разбудил Витю звонком в дверь. Увидев его сумасшедшие глаза, тот улыбнулся: «Любовь?!»

Родители спали. Пошли на кухню. Показывает полученную в двенадцать часов ночи телеграмму от Оли. Два слова: «Люблю. Очень».

– Витёк, прикинь, она одна… в полночь… в мороз… бежала, чтобы отправить мне телеграмму?!

Достаёт тетрадку с написанной за прошедшие три часа поэмой, в которой каждый куплет заканчивался её словами «Люблю. Очень». И конечно же, назавтра он уже был в Харькове и читал, и дарил ей эту поэму.

Пробежала зима.

Весной перед экзаменами времени у Оли стало меньше и свидания стали реже. Но письма-голуби с прозой и стихами по-прежнему порхали туда и обратно без перерыва.

«Мёртвый дом»

…Закончилась ночь, а с ней и воспоминания. Наутро Марку вручили тощий измочаленный матрас, подушку и одеяло с дырками в нескольких местах.

Алюминиевые миска, кружка и ложка. Ни простыни, ни наволочки.

Он плёлся за контролёром по длинному коридору с огромными железными дверями, грубо выкрашенными кроваво-красной масляной краской, и такими же огромными засовами на каждой из них. Наконец старшина остановился и с лязгом открыл очередную дверь.

Как долго потом будет преследовать Марка этот металлический лязг – сигнал опасности, сигнал беды. Лязг – «По чью душу?» – заставляющий вздрагивать каждого арестанта.

Марк вошёл в большую мрачную камеру человек на пятьдесят, заполненную под завязку. Лишь пара нар пустовала.

Серые неоштукатуренные стены, грубо забрызганные раствором снизу доверху (под «шубу») для того, чтобы писать на них было невозможно. И такой же серый грязный бетонный пол.

Несколько тонких чёрных матрасов лежат на замызганном полу в правом углу камеры, рядом с ничем не огороженной ямой туалета. На одном из них – молоденький черноволосый паренёк в окровавленной майке и с невыразимой печалью в огромных почти чёрных глазах.

В камере шум и гам, затихающий с лязгом открываемой двери и появлением новичка. Все взгляды впиваются в его особу. Явственный запах угрозы. Атмосфера угрозы обволакивает с головы до ног.

Камера ждёт. От первого слова впервые вошедшего зависит его дальнейшая судьба в этом искусственном социуме.

– Здорово! – отрывисто выдохнул Марк низким голосом, стараясь не выдавать волнения, справиться с которым так и не удалось.

Слава богу – случайно поздоровался так, как здесь принималось. Не «Здрасьте!», не «Добрый день!» (какой он в тюрьме «добрый»?), а просто «Здорово!». Можно было ещё: «Здорово, земляки!»

А если бы поздоровался по-другому или промолчал, прошёл бы дебильный обряд «прописки», который потом наблюдал не раз.

На стенке кое-как обозначена морда льва. «Прописываемого» подводят к ней и задают вопрос: «Ты как будешь со львом драться? До синяков? До крови? Или до смерти?» Бедолаги, как правило, выбирают один из первых двух вариантов.

И тогда под общий хохот камеры они молотят кулаками по морде льва на шершавой бетонной стене до синяков или пока не изобьют руки в кровь.

Оказывается, правильный ответ: «До смерти». Надо подойти, слегка щёлкнуть пальцем нарисованного зверя по лбу и сказать: «Убил. Он же мёртвый». Глупость, но с такими идиотизмами придётся встречаться ещё не раз.

– Здорово! – вразброд ответили несколько здоровенных, накачанных, полуголых, в татуировках, распаренных затхлым зноем камеры тел, сидящих за длинным деревянным обеденным столом, и Марк сразу почувствовал: они здесь главные.

Троим было лет по двадцать. А один постарше, лет тридцати, высокий, крепкий, коротко стриженный блондин с ярко-голубыми глазами и Уголовным кодексом в руках буркнул, обращаясь к Марку:

– Статья?

– Сто шестьдесят девятая, – ответил тот.

Блондин, полистав страницы, нашёл статью, прочитал:

– О, до двенадцати рокив! Наш пассажир!

Очевидно, блондин прочёл более тяжкую третью часть статьи, потому что на самом деле Марку светило до семи лет. Разубеждать его в этом не стал.

– Куда могу бросить вещи? – спросил он.

Блондин показал рукой на одну из свободных верхних нар. Марк разложил матрас, положил подушку, расстелил одеяло и залез наверх. Вытянулся на такой же койке, как и в карантине. Матрас почти не смягчал её жёсткость, проваливаясь в прямоугольные дыры между полосами железа.

А в камере творилось что-то невообразимое.

Мат-перемат, блатной жаргон – феня, крики. Грохотом выстрелов – удары костей домино по деревянной крышке стола. Завеса дыма от сигарет и папирос.

Кто-то затеял драку один на один, кого-то били двое. Кому-то куском ваты, вырванной из матраса, тихонько подобравшись, поджигали сзади майку, а когда тот в ужасе и с визгом вскакивал, остальные умирали со смеху.

В дальнем углу камеры, над теперь уже лежащим на полу тем самым молоденьким черноволосым пареньком в окровавленной майке, которого Марк, входя в камеру заметил сидящим на матрасе у туалета, навис здоровенный бугай, а двое других прикрывали его, загораживая от форточки в двери. Но с верхних нар хорошо просматривалось, как здоровяк саданул паренька по рёбрам, от чего тот свернулся, как гусеница, на которую наступили. А потом бугай приспустил брюки и заставил беднягу делать ему минет.

И каждый крик, каждый звук чужой боли стрелой впивался в сердце Марка.

«Это закончится? Это когда-нибудь закончится?!» – билось в голове.

Но время шло, а атмосфера не менялась.

«Господи! Куда я попал?! Мёртвый дом, из которого писал свои записки Достоевский, просто пансион благородных девиц! Это даже ужасней, чем я себе представлял! Нелюди! Звери – ангелы по сравнению с ними. Я же тут с ума сойду… – душа корчилась, как фарш между ножами мясорубки. – Да это же настоящие джунгли! Человеческие джунгли! И если всё время так, то как это всё можно выносить годами?! – мысли ломили висок, а сердце всерьёз пыталось выскочить на волю. – А я, дурак, ещё думал, что хуже армии уже и быть не может».

Армия… Марк закрыл глаза, и перед внутренним взором замелькали картины, унёсшие его в прошлое и избавившие от настоящего, выносить которое уже не было сил.

Он отчётливо увидел себя в застиранной бледно-зелёной гимнастёрке, болтающейся на длинном костлявом теле, и тяжеленных, на размер больше, серых от пыли кирзовых сапогах.

Армия

Приглашение в музыкальный взвод

В воздухе разливались запахи мая и бравурные звуки «Прощания славянки». Подходило время пару лет послужить Отечеству. Однажды вечером, придя домой, Марк был огорошен услышанным от отца:

– Слушай, сегодня к нам заходил капитан Кошкин, ну, помнишь, с сыном его ты учился в школе. Капитан набирает ребят для музвзвода воинской части в Шостке. Директор вашей музшколы порекомендовал ему тебя. Капитан обещает: служба – «не бей лежачего». Играй на дудке, в отпуск каждые полгода, кормят на убой, и опасности никакой. Но я ему сказал, что ты без Вити Белого не пойдёшь. Он согласился взять и его. Так что ждите повестки.

Через несколько дней Марк и Витя уже топали в военный комиссариат оформлять необходимые документы. И вот – её величество Судьба – за двести метров до военкомата встречают Лёву Липовича – вылитого молодого Пушкина, музыканта от бога.

Лёва рос без отца, с больной матерью и, что такое голод, знал не понаслышке. Уже с двенадцати лет Лёвчик хватал баян и брался за всё: свадьбы, праздники, новогодние утренники – любые подработки.

Они с Марком были знакомы, хотя никогда не дружили, и Лев был на пару лет старше. К тому времени он играл в городских эстрадных оркестрах и владел чуть ли не всеми музыкальными инструментами.

– Привет, пацаны! Вы куда?

– В военкомат, в музвзвод в Шостку.

– В музвзвод? И я хочу. Мне тоже в этом году в армию.

– Пошли (если бы Марк только знал, чем ему это «Пошли» аукнется).

Так их троих и записали в воинскую часть, охранявшую военный завод в Шостке, обязав через десять дней прибыть на сборный пункт для отправки на службу.

Конец мая. Солнце по-летнему жаркими волнами заливает город. Проводы в армию – в квартире у Вити. Куча друзей, родители. Музыка, шум, гам, тосты.

Приехала из Харькова Оля. Специально проводить Марка. Они сидели рядом. Её рука в его руке. Пили, пели, танцевали. Но сквозь угар весёлой вечеринки ему вдруг показалось: Оля – другая. И провожает она его будто не по чувству, а по долгу. Взгляд доброжелательно-спокойный.

«Показалось, – успокаивал себя, – иначе б не приехала».

И думать по-иному Марк не мог. Ведь он по-прежнему любил её, жил ею.

На следующий день их увозили в Шостку В последний момент прощания с родителями папа неожиданно заплакал. Марк опешил: ведь его ждала приятная и лёгкая служба, всего лишь музыкальный взвод. Он впервые в жизни увидел слёзы отца.

– Ты чего? Это же только музыкальный взвод! Всё будет хорошо! – успокаивал его.

– Нет, сынок… Я чувствую, тебя ждёт трудное, очень трудное время.

Пророческие слова. И в том, что отец обладал этим даром, Марку пришлось убеждаться ещё не раз.

Первый армейский день

Перед началом службы – двухмесячный «курс молодого бойца» в учебном пункте, где постигались азы: стрельба из автомата, устав караульной службы, маршировка строевым шагом, защита от оружия массового поражения и так далее.

И когда их троих из Дубнов привезли в палаточный лагерь, остальные уже около месяца занимались и, главное, втянулись в ритм нагрузок. Марк с земляками были совсем «свеженькими», только из-за провожального стола.

Весь последний год Марк спортом не занимался. Витя же сохранил наработанную за предыдущие годы форму: бегал и прыгал он отменно.

Сразу повели получать солдатскую форму. Выдали гимнастёрку, пилотку, ремень, портянки, сапоги.

Марк померил сапоги – на размер больше – нога болтается. Пришлось просить каптёрщика-кавказца с усами, как у таракана, дать поменьше.

– Других нэт. Паруднэй потэрпишь, потом помэняю. «Ну, – думает, – может, в армии так положено.

Потерплю».

Витя, Марк и Лёва попали в разные взводы, в каждом из которых – три отделения по десять солдат, и каждое отделение спало в своей большой палатке.

Вечером – занятия по изучению устава караульной службы. Проводит офицер, командир взвода. Даёт задание: за сорок пять минут выучить ряд правил, примерно на страницу текста.

Марк успевает выучить две. Офицер начинает спрашивать. Марк поднимает руку и почти наизусть барабанит то, что только что прочитал. Офицер улыбается:

– Ну ты даёшь! Мы одну страницу уже три дня мучаем, а ты две за час вызубрил? Учитесь, лоботрясы.

В тот спокойный его первый армейский вечер, поглядывая на постриженных налысо ребят своего отделения (самого оболванили позже), Марк чувствовал некоторое превосходство.

По команде «Отбой» улёгся в солдатскую панцирную койку и заснул крепким сном, успев подумать: «А армия-то ничего. Ничего страшного».

Марш-бросок

Следующее утро быстро показало, как же он ошибался!

Крик сержанта: «Тридцать секунд – подъём! На зарядку становись!» – вышвырнул его из койки. Все вокруг лихорадочно надевали брюки, сапоги и без гимнастёрок выскакивали из палатки.

Их учебный пункт располагался на стадионе. И, не успев построиться, взвод понёсся по четырехсотметровой дорожке. Три круга.

Пробежав два, Марк «сдох», хотел остановиться, но злой окрик сержанта и чья-то рука сзади, поддержавшая его спину, помогла продолжить бег. Оглянулся. Невысокий чёрненький крепыш кинул ему:

– Держись! Немного осталось.

Тёплое чувство благодарности вдохнуло силы и помогло дотянуть до конца. Позже Марк узнал, что это был Али Алиев, простой паренёк из азербайджанского аула. Его добрый ангел. Он не раз ещё выручит Марка.

После зарядки и умывания – быстрый завтрак. А потом им вручили противогазы и автоматы, подсумки с металлическими рожками для патронов и штыковые лопатки (пристегнуть к поясному ремню).

– Мы куда? – спросил Марк у воина, стоявшего рядом, рассматривая предметы, которые он видел впервые.

– Марш-бросок на стрельбище. Шесть километров. Отстанешь – весь взвод бежит ещё километр вперёд, а потом возвращается за отставшим.

Благодарность – соответствующая. После стрельбы снова бегом домой. Те же шесть километров.

Мир покачнулся. Первый раз, без привычки пробежать шесть километров в почти летнюю жару казалось абсолютно нереальным.

«Может, побежим потихоньку?» – успокаивал себя, но тут раздалась команда:

– Взво-од, бегом… марш!

И они помчались. Да так, будто бежали стометровку.

«Господи, с ума сошли?! Куда так быстро? И километр не продержусь…» – мелькнула мысль. И ещё: «Только бы не отстать, только бы не отстать…»

Пока бежали по городу, было ещё ничего: взгляд выхватывал аккуратненькие белые домики с серыми шапками крыш и аллеи скверников, почти как в его родном городе.

А вот когда они углубились в редкий сосновый лесок с мягкой песчаной почвой, стало совсем плохо.

Удушающая жара. Пот, заливающий глаза, смешивается с густыми клубами пыли и превращается в густую едкую массу. Смахнуть её невозможно, так как одна рука придерживает автомат, а вторая – противогаз.

Сердце отчаянно пытается выскочить изо рта. Не может. Не пускает та же пыль, забившая рот.

Автомат, потяжелевший втрое, то и дело долбит в бок, который и без того разрывает пук вонзившихся в него иголок.

Штыковая лопата лупит по бедру, а под ступнями ног полыхает пламя – сапоги-то не заменили.

Дикое желание остановиться хоть на миг тут же пресекается оглушительным матом сержанта и ударом приклада в спину.

Пульсирующая в голове мысль «Только бы не отстать, только бы не отстать…» сменяется на «Ты ещё живой… Ты ещё живой…».

Сознание потихоньку затуманивается. И вдруг необыкновенная лёгкость – подарок богов – кто-то сдёргивает с плеча автомат.

Краем глаза видит, что это всё тот же Али Алиев. Убирает с плеча свинцовую тяжесть в последнюю секунду перед тем, как Марк уже почти падает на землю. Безмолвный смуглолицый азербайджанский ангел.

И снова бег. Без конца и без края. Без времени и расстояния. Бег и боль. И «Ты ещё живой… Ты ещё живой…» продолжает зомбировать себя и почти дотягивает до стрельбища.

«Почти» – потому что метров за триста до финиша он всё-таки отстал. Не мог больше. Еле плёлся, стиснув зубами губы от боли, а взмыленный, судорожно хватающий воздух взвод стоял и молча смотрел на него.

Оглушительный крик офицера – командира взвода: «Почему отстал?!» – заставил остановиться. Марк понимал: неправильный ответ и… хуже только смерть.

– Ноги… – выдавил он.

– Стащите с него сапоги! Ну, если соврал…

Марк бухнулся на землю, и кто-то стащил с него сапоги. Взвод вздрогнул. Белые портянки превратились в кровавые тряпки – ноги были стёрты до мяса.

– Поводите его по траве, – аж отвернулся офицер.

Двое крепких солдат подхватили Марка под руки и потащили к огневому рубежу.

«Полежать бы дали… хоть пять минут…»

Но лежать некогда, на стрельбище нужно стрелять. Первое упражнение – стрельба лёжа с упором на локти.

Довольно далеко перед ними чёрная мишень на белом фоне, на которой нарисованы круги, обозначенные цифрами. Самый центр – десять очков, дальше по убывающей: девять, восемь, семь, шесть, пять – чёрные круги заканчиваются и начинается белое «молоко». Три патрона. Три выстрела. Выбьешь в сумме двадцать шесть очков – отлично, двадцать четыре – хорошо, двадцать одно – удовлетворительно. Меньше – двойка.

Последние два года Марк с Витей подсели на стрельбу из воздушной винтовки в стрелковом тире дубенского парка. Стреляли часто и почти всегда возвращались домой с игрушками-призами.

А вот автомат Калашникова – лучшее в мире оружие – Марк и в руках не держал. В день марш-броска он увидел его впервые. И если остальные солдаты уже месяц как изучали, собирали-разбирали автомат, то Марк о нём понятия не имел. Не знал, как правильно держать, стреляя лёжа. Не знал, что есть предохранитель, не сняв который выстрелить невозможно.

И вот команда: «На огневой рубеж шагом марш!»

Солдаты по трое выходили вперёд и ложились на землю. Очередь Марка. Выходит вместе с двумя другими солдатами, каждый напротив своей мишени. Ложатся.

Вместо того чтобы держать автомат на весу на локтях, упирает рожок с патронами в землю. Ловит мушку в разъём прицела (так, как привык в дубенском тире).

Команда: «Огонь!» Нажимает курок. Рядом справа и слева хлопают по ушам выстрелы сослуживцев, а автомат Марка… молчит. Опять команда: «Огонь!» Нажимает курок – тишина. Перед третьей командой успевает повернуться к солдату, лежавшему слева.

– Автомат… не стреляет?..

– Предохранитель опусти, – показывает воин на своём автомате горизонтальный рычаг, который нужно нажать вниз.

И тут последняя команда: «Огонь!»

Еле успев поймать мушку в прицел и навести в центр мишени, Марк, сжавшись в один нерв, на выдохе трижды бьёт по курку, улетев вперёд вместе с пулями.

Даже ударов в плечо приклада – отдачи от выстрелов – не почувствовал. Фух! Отстрелялся.

Офицер и его помощник, старший сержант, подходят к мишеням, по очереди вызывая солдат и считая количество выбитых ими очков. Марк слышит результаты стрельбы и оценки каждого: в основном – тройки, пара четвёрок и только одна пятёрка.

Последним вызывают Марка. Подходит на цыпочках (на всю ступню стать больно) и впивается взглядом в свою мишень. Сначала в «молоко» – ни одной пробоины. «Господи, даже в "молоко" не попал!» – стыд и страх перехватывают дыхание. И вдруг, как сквозь вату, гнусавый голос офицера: «Девять плюс девять плюс десять. Двадцать восемь! Хм, отлично. Молодец, воин! Бегаешь плохо, стрелять умеешь».

Приободрившись, Марк вместе со всеми поплёлся к другому огневому рубежу: стрельба очередями.

На счёт «двадцать два», отсекая два патрона, надо пробить деревянную в рост человека зелёную мишень, появляющуюся на три секунды. Расстояние – триста метров. Пробьёшь с первой очереди – отлично, со второй – хорошо, с третьей – удовлетворительно, не попал – двойка.

И опять Марка вызывают последним. И опять взвод стреляет на тройки, кроме одного, выбившего мишень с первого раза, но не попавшего в неё второй и третьей очередями.

Марк опускается на линию стрельбы. Снимает с предохранителя. Снова упирает рожок автомата в землю – устойчивость лучше, чем на весу, на дрожащих руках. Ловит мушку в прицел. Ничего не видит, и вдруг далеко, из-под земли, поднимается зелёный фанерный силуэт человека.

Нажимает курок, считая: «Двадцать два». Мишень падает: «Есть! С первого раза!»

Подходит офицер. Машет рукой оператору:

– Поднимите ещё раз!

Опять встаёт зелёный силуэт. Ещё очередь. Мишень падает.

– И ещё раз! – командует командир взвода.

Третья очередь – и третья мишень сбита. Три отлично.

– Взвод, построиться! Рядовой Рубин, два шага вперёд! – кричит командир.

Марк не выходит – вылетает, не чувствуя горящих ног, задохнувшись от счастья и гордости.

– Лучше всех в третьем взводе стреляет рядовой Рубин. Марш-броски для него отменяются. На стрельбище он будет ездить на машине, отвечать за оборудование, мишени, бинокли. А вам, троечникам, команда: «Газы!»

Солдаты быстро нырнули в противогазы, что в полуденной жаре равнялось удушению.

– Взвод, по-пластунски вперёд!

И бедные новобранцы поползли в противогазах, считая секунды до команды снять их и снова бежать проклятые шесть километров по песку и лесу, подгоняемые прикладами и матом сержантов.

Стрельба была главнейшим делом – полк охранял военный завод. Ну очень большой важности! Высшая степень секретности! Они даже не предполагали, что там производят.

Правда, по тому, с какой скоростью редели шевелюры у молодых ребят, можно было догадаться: чего-чего, а радиации там хватало. Завод окружали посты на вышках вдоль взрыхлённой контрольно-следовой полосы, за которой колючая проволока.

Постепенно, хоть и трудно, он втягивался в будни учебной роты. Самым тяжёлым оказалась физподготовка. Бегать, прыгать, полоса препятствий, отжимания, упражнения на турнике: подтягивание, подъём силой, подъём переворотом.

А у него (при росте под два метра) вес – семьдесят килограммов. Кожа да кости. Проблема. Конечно, не один такой, но от этого не легче. Зато стрельба и политическая подготовка – главные предметы – только отлично.

Приближался день окончания учёбы, принесения присяги и распределения по подразделениям: музыкальный взвод, взвод связи, хозвзвод и семь рот по сто солдат в каждой.

Марк узнал, что караульная служба в ротах отнюдь не сахар: через день надо выезжать из города на охрану военного завода, а второй, свободный от караула день – занятия на стадионе и в казармах те же, что и в учебке.

Но он ничуть не беспокоился, так как всё это время они с Витей были уверены: раз их брали только для музвзвода, значит, и попадут они в музвзвод.

Двадцатого июня. Присяга – двадцать второго. Неожиданно их обоих вызывает начальник штаба полка подполковник Матросов – громадный, с чапаевскими усами мужик. Умница и полиглот (через год его арестуют за издание на Западе антисоветской книжки).

– В общем, так, ребята. Послезавтра распределение. В музвзводе два места. На одно мы берём вашего земляка Льва Липовича, он на всех инструментах играет, а на второе… Знаю, что вы друзья не разлей вода (откуда узнал?), вот сами и решайте: кому в музвзвод, а кому в роту. Тот, кто пойдёт в музвзвод, пусть

сочинит речь и выступит на присяге у Вечного огня.

Коротко и ясно. Ну что ж, сели они с Витей вечером перед отбоем на лавочку, открыли банку сгущённого молока, и началось:

– В музвзвод пойдёшь ты.

– Нет, ты пойдёшь.

– Это к тебе домой пришёл капитан Кошкин.

– Не имеет значения, я тебя сюда притащил.

И так далее. Спорили до тех пор, пока не съели всю сгущёнку и Марку в голову не пришла мысль:

– Вить, а ведь двадцать второго июня у тебя день рождения! Музвзвод – это мой тебе армейский подарок. От подарка не отказываются.

На том и порешили.

Через день на распределении, когда прозвучала фамилия Рубин и Марк строевым шагом подошёл к начальнику штаба, тот, пожав ему руку, произнёс:

– Третья рота. Ничего, Марик, послужишь немного в карауле. А когда освободится место в музвзводе, мы тебя переведём.

«Когда» так и не наступило. Не наступило никогда.

Третья рота

Учебный пункт, где Марк, Витя и Лёва проходили курс молодого бойца, и казармы полка, в котором придётся служить, располагались хоть и недалеко друг от друга, но о порядках, царящих в казармах, новобранцы так ничего и не

узнали. Ни плохого, ни хорошего. Информация не доходила.

Поэтому, услышав, что попал в третью роту, Марк не испытал никаких эмоций.

Эмоции хлынули уже в первый день прибытия в казарму, в расположение третьей роты.

Эта рота, как оказалось, была негласным «штрафным батальоном» их полка. Всех пьяниц, хулиганов, самовольщиков ссылали сюда. Во-первых, потому, что её командиром был капитан Борщ, умевший и ладить, и держать в руках эту публику.

А во-вторых, служебная лямка была самой тугой. Людей не хватало, и вместо положенных восьми часов караула на постах и в зимнюю стужу, и в летний зной приходилось стоять и по двенадцать, и по четырнадцать часов. Плюс расстояние между постами было самым большим: на пост и с поста топать и топать.

Марк попал во второй из трёх взводов, где замкомандира взвода старший сержант Иванников был царь и бог.

Уроженец полузабытой липецкой деревеньки, нескладный, маленького роста, сутулый и белобрысый, истерик с хриплым, но зычным голосом. Садист и антисемит до мозга костей. Подарочек ещё тот!

С первой же минуты он невзлюбил Марка. А после того, как буквально через неделю того назначили комсоргом роты, сместив Иванникова, он его просто возненавидел.

В полку, как и во всей Советской Армии, махрово цвела «дедовщина».

Не по уставу, а по сложившимся традициям все воины делились на категории.

«Салаги» – не солдаты – солдатики, только что призванные на службу. Ничего не знающие, не умеющие и потому совершенно бесправные, выполняющие любые требования «дедов» и сержантов.

Их приказы: «Три минуты – сапоги почистить и доложить; койку заправить и доложить; белый воротничок к гимнастёрке подшить и доложить…» – выполнялись беспрекословно. Полы в казарме и караулках в основном драили «салаги». Сплочённости – ноль.

«Черпаки» – солдаты, прослужившие полгода. Разливали еду по мискам. Не намного больше прав, чем у «салаг», но уже не прислуживали «дедам». Хотя уборку делали тоже.

«Полудеды» – солдаты и сержанты, прослужившие год. К уборке не привлекались. По учебным тревогам на посты среди ночи не бегали. Как и «деды», могли ходить в увольнения в город.

И наконец, «деды», прослужившие полтора года из двух.

Их положение было даже выше, чем у сержантов, замкомандиров взводов, если те прослужили меньше.

«Деды» – дружная команда, сплочённая общими испытаниями во времена, когда сами были «салагами» и «черпаками», а также полутора годами совместной службы, закалившими их физически.

Сплотила неписаная, но незыблемая традиция льгот и привилегий: в карауле, куда привозили еду в бачках, «деды» первыми наполняли свои миски, выбирая лучшие куски мяса. Они же делили сливочное масло и сахар: сначала в палец толщиной себе, остальное – сослуживцам. В результате такой делёжки «салагам» доставалось по несколько ложек жидкого супа, а масло на хлебе чуть блестело пятикопеечной монетой.

«Деды» стояли на постах по шесть часов, а «салаги» за них – по двенадцать. «Деды» в первую очередь ходили в увольнения в город: прогулки, танцы, мороженое, спиртное, девушки.

«Дедовщина» поддерживалась офицерами. «Деды» блюли порядок в казарме и в караулах лучше сержантов. Их больше боялись. Они могли избить и избивали молодых солдат за любые нарушения по службе, неизбежные в первое время по незнанию, непривычке или усталости.

И вот Марк, худющий книгочей, из родной атмосферы музыки и стихов, КВН, концертов и «голубых огоньков», обласканный аплодисментами и теплом друзей и совершенно не готовый к такому жуткому физическому и тем более моральному напряжению, попадает в атмосферу полукриминального «штрафбата» с его волчьими «законами»-традициями.

Взбунтоваться – налетит вся стая, и от здоровья останутся лишь воспоминания. А солдаты его призыва, ещё даже толком не узнавшие друг друга, на помощь не придут. Каждый сам за себя.

Став комсоргом, Марк сразу взялся за комсомольскую работу, которой Иванников никогда не занимался. Впервые стал проводить комсомольские собрания, готовить концерты, читать новости.

Он начал подготовку праздничного вечера в честь Дня Советской Армии вместе с техникумом за пределами части, что позволяло выходить в город, не дожидаясь разрешения идти в увольнение.

Должность комсорга роты дала ему некоторое преимущество. Отношение «дедов» было иным. Обидное «салага» в его адрес не прозвучало ни разу.

Зато сержант Иванников сделал все, чтоб «служба мёдом не казалась» – любимое выражение дедов и сержантов. Понимая, что тронуть комсорга, к которому благоволят «деды», он не смеет, Иванников принялся медленно «уничтожать» его по уставу.

Каждый день он заставлял Марка до изнеможения подтягиваться на турнике, пока тот с него не падал. Ползать по-пластунски в противогазе, даже когда взвод отдыхал, пока и противогаз, и глотка не забивались песком.

Уборка – мытьё полов – в огромной комнате, где спали все тридцать человек их взвода, в основном падала на Марка.

Но дни в казарме были ещё «цветочками» – хоть поспать восемь часов и поесть нормально удавалось. А что такое «ягодки», Марк узнал уже в карауле, куда они ездили через день охранять завод.

Первый день на посту. С полудня и до четырёх часов дня.

На высокой деревянной вышке Марк острым взором бдительного погранца осматривает свой участок.

Сначала внимательно, через час – спокойнее, ещё через час становится просто скучно.

Лето, погода прекрасная, солнышко. Приятный ветерок освежает лицо. За колючей проволокой приветственно помахивает зелёными ветками близлежащий лес. Начинает горланить песни. Громко, во весь голос – кругом-то никого.

Так и пропел до смены караула всё, что знал. И первый раз служба на посту показалась ему совсем не тяжёлой. Правда, проголодался. Время обеда давно прошло.

Приходит в караулку и мухой в столовую вместе с четырьмя сослуживцами, тоже притопавшими с постов. Настроение – слона бы съел не задумываясь.

Получает свою миску жидкого супа. Проглотил. Второе – три ложки картошки. «А мясо?» – «Не выслужил ещё мясо хавать, молодой ещё! – скалится Иванников во весь рот, полный чёрных, гнилых, никогда не знавших щётки зубов. – "Деды" мясо съели. Ещё вопросы?»

Компота тоже не хватило. По-прежнему голодный выпил кружку воды и только лёг на койку, как дикий крик Иванникова:

– Караул, в ружьё! На одиннадцатом посту нападение. Тревожная группа – Рубин и Гульмамедов (ещё один азербайджанец из его призыва). Время – двадцать минут, проверить и доложить! Получить оружие! Бегом марш!

И вот уже они с Керимом с автоматами на плечах трамбуют сапогами тропу не хуже орловских рысаков, ведь за двадцать минут добежать до одиннадцатого поста совсем не легко, а за опоздание – наряд. Примчались. Гимнастёрки – хоть выжимай. Хватают трубку телефона:

– Товарищ старший сержант, докладывает рядовой Рубин, на одиннадцатом посту происшествий не обнаружено.

– Ладно. Через двадцать минут чтоб были в караулке.

И снова мчатся, хватая ртами остывающий от дневной жары воздух и мысленно проклиная Иванникова за «плотный» обед и послеобеденный «отдых».

«Ну, теперь-то хоть полежу немного…» – облегчает существование мысль.

Не тут-то было. Не успели сдать оружие, новая команда:

– Рубин, «плавать» в столовой, Гульмамедов – в спальне.

«Плавать» – хорошенькое словечко. Сержант льёт на пол столько вёдер воды, сколько в голову взбредёт. Выдаёт щётку и мыло. И вот они «плавают» до изнеможения, драя пол щёткой и мылом, а потом долго собирают воду и насухо протирают пол другой тряпкой.

Глупейшее занятие. Вполне достаточно было бы вымыть и высушить полы шваброй. Но нет. «Чтоб служба мёдом не казалась!» – любимое выражение «дедов» и сержантов.

Итак, Марк пришёл с поста. Пообедал, сбегал в тревожную группу, «поплавал» в столовой. Поужинал: каша и чай. Только прилёг, снова команда:

– Наряд на девятый пост – получить оружие!

И снова на пост. С двадцати до двадцати четырёх. Вернулся в ноль тридцать. Сразу «плавать», в этот раз подольше. Затем провалился в глубокий сон. Крик Иванникова: «На восьмом посту нападение. Тревожная группа – Рубин, Алиев!» – снова бросил в ночную тьму.

Бежать полегче – не так жарко, но после изматывающего дня и короткого сна силы таяли быстро. В норматив скорости не уложились и, вернувшись в караульное помещение, снова должны были «плавать» почти до утра.

В семь часов уснул на полчаса, и снова подъём на пост с восьми утра до двенадцати дня.

И так почти каждый день службы в карауле. Поспать удавалось урывками, дай бог, часа три-четыре в течение суток, что было равносильно пытке сном. И потому не раз сержанты, проверяя посты, находили молодых солдат, уснувших и сидя, и стоя, и ночью, и днём, что считалось грубейшим нарушением, за которым следовало и наказание по уставу, и обязательное избиение «дедами».

Самим «дедам», да и «полудедам» спать на постах не возбранялось. Кто ж их накажет. Наоборот, сержант по телефону разбудит и предупредит: идёт проверять офицер.

На следующий день они оставались в казармах, и это было не намного легче. Правда, еда и сон – в норме.

Но и здесь Иванников находил любой предлог, чтобы армия стала для Марка похуже каторги. Особенно зверствовал сержант на физической подготовке, заставляя по десятку раз преодолевать полосу препятствий, до крови обдирая бока и набивая синяки.

После этого хотелось только одного – умереть.

Солдатские будни

Через несколько месяцев такой жизни Марк превратился в настоящий прозрачный скелет. Постоянно хотелось спать. Постоянно хотелось есть. Все сны о еде.

Случайно узнал, что есть посты, откуда ночью, рискуя попасть под военный трибунал, солдаты проникают на охраняемый завод, ищут в рабочих столовых еду и с ней возвращаются на пост. Не поймали – повезло. Поймали – тюрьма.

Дважды попадая на эти заветные посты, он не рискнул бросить их и пройти внутрь объекта. И лишь на третий раз сила голода подавила разум.

Осень. Ночь. Ветер с завыванием мрачно гнёт ветви чернеющих деревьев. С автоматом и боевыми патронами Марк пролезает под колючую проволоку. Прячась и перебегая от дерева к дереву, пробирается к рабочей столовой.

На дверях огромный замок. Обдирая ногти и пальцы, выдирает гвозди, придерживающие оконное стекло. Вынимает стекло. Сбрасывает солдатский ватник и в одной гимнастёрке с автоматом с трудом протискивается внутрь. Удары сердца, стиснутого страхом, гулко бьют в голову, превратившуюся в один гудящий колокол.

Шарит в темноте. И вот: «Есть!» – находит в углу на полу полмиски сметаны. Одним духом выпивает и облизывает, почти сдирая зубами верхний слой алюминия со дна миски. Лёгкий шум снаружи. Бросается в оконный проём, хватает с земли свой ватник и бегом обратно на пост.

«Фух! Кажется, пронесло». Проверка пришла только через час.

Через пару недель повторяет маневр. На этот раз подворачиваются две чёрствые, позеленевшие от плесени буханки хлеба. Пока вернулся на пост, давясь, сгрыз их, даже не очистив от плесени.

Считается, что самый сильный побудитель к действию – это страх. Голод – сильнее страха. Особенно когда тебе восемнадцать.

И чем тяжелее, чем труднее была служба, тем чаще, улучив любую минутку, Марк писал письма домой родителям и, конечно, Оле.

Дубны, их крохотная двухкомнатная квартирка, прежняя жизнь теперь казались ему недостижимым раем, погружаться в который даже мысленно, в письмах и воспоминаниях, было огромным облегчением.

«Не съев кило дерьма, не оценишь вкус чёрного хлеба…» – любимую поговорку их ротного командира Марк вспоминал не раз.

Комната, где располагался музвзвод, была рядом с казармой его роты, и они часто вечерами встречались с Витей Белым, делились своей, теперь такой разной, жизнью, письмами из дома. Для Вити, как и для всего музвзвода,

караулов не существовало. Их караулы – репетиции духового оркестра в клубе – мечта любого служивого.

К концу первого полугодия солдаты сдавали экзамены по всем дисциплинам, и это была очень важная проверка. По её результатам судили о работе офицеров, поэтому нужно было костьми лечь, но «прыгнуть выше головы».

Марку повезло. Сдав первую проверку на отлично, он получил блестящий знак «Отличник боевой и политической подготовки» с повышением в должности (из стрелка стал старшим стрелком), а также ручной пулемёт, который освоил не хуже автомата. Дружба со стрельбой продолжалась.

Перевод

Продолжалась и его комсомольская работа. По итогам полугодия Марк был признан лучшим комсоргом полка и вызван к начальнику политотдела части, который, торжественно пожав ему руку, сказал:

– Ну, воин, молодец! Проси чего хочешь.

Он, очевидно, ожидал, что Марк попросит отпуск домой или в крайнем случае неделю внеочередных увольнений в город. И как же подполковник удивился, когда услышал:

– Переведите меня из второго взвода в первый.

Офицер, насупившись, помолчал.

– Сержант Иванников?

Марк кивнул.

– Хорошо. Сегодня же и объявим.

На душе сразу посветлело. «Неужели этот кошмар: постоянное ожидание с замиранием сердца мерзкого стука каблуков с подковками Иванникова, его белые от ненависти глаза и хриплый крик: "Тревожная группа – Рубин и Гульмамедов в ружьё! На одиннадцатом посту нападение, двадцать минут, выяснить и доложить!" – всё это останется в прошлом?! Неужели я буду нормально служить?!» – не мог поверить Марк. Но в ту же ночь он спал уже в комнате первого взвода.

В первом так же занимались на учениях. Спали в соседней со вторым взводом комнате. Так же «через день – на ремень» ездили на посты в караулы. Но насколько разным был дух в этих двух взводах одной роты!

Да, у «дедов» были те же привилегии. Да, солдаты так же мёрзли на постах зимой и изнывали от жары летом. Но между сержантами и солдатами, между «дедами» и «салагами» не было злости, не было ненависти, и был порядок. Спокойные, ровные отношения и требования, хоть и строгие, но без унижений: никто не «плавал» и не бегал ночью в тревожную группу. Днём – иногда. Редко. Марк даже стал потихоньку набирать вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kerbel-_mihail/srok-dlya-advokata

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить